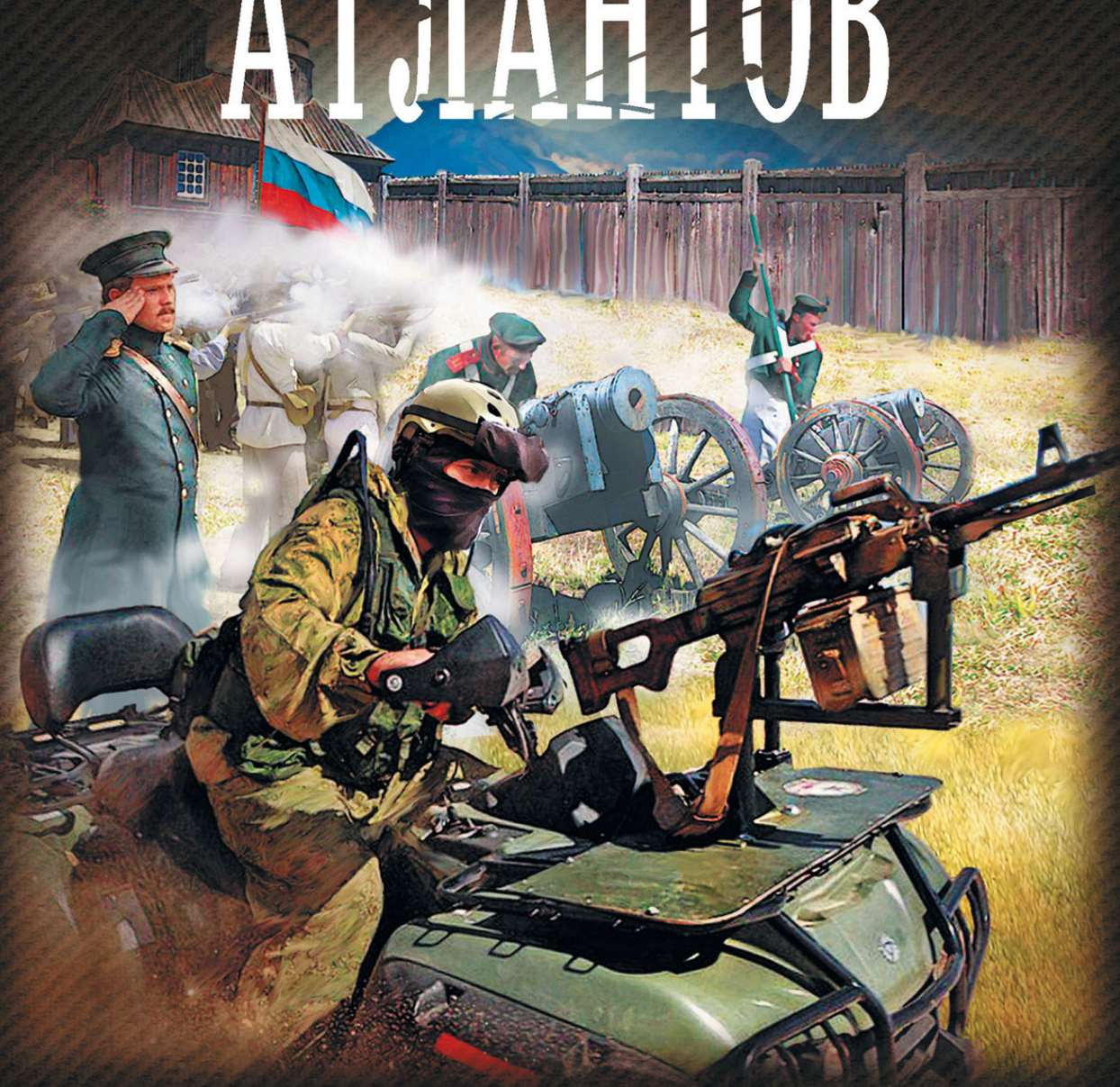

Александр Михайловский
Александр Харников

ВОЗВРАЩЕНИЕ АТЛАНТОВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

Возвращение атлантов

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Возвращение атлантов / А. Б. Михайловский — «Издательство АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-118492-6

Машина времени, которую изобрел ученый-энтузиаст из Санкт-Петербурга XXI века, открыла нашим современникам дорогу в XIX век, когда во главе Российской империи стоял император Николай I. Но секрет машины времени вскоре стал известен правительству Российской Федерации. И уже не кучка энтузиастов, а вполне серьезные конторы вместе с жандармами стали бороться с вражеской агентурой, а глава III отделения граф Бенкендорф применяет в своей повседневной работе все возможности специальных служб России XXI века. Сотрудники ФСБ и III отделения совершили рискованную командировку в Лондон, где отловили Дэвида Уркварта — злейшего врага России и куратора британской агентуры на Северном Кавказе, где уже много лет немирные горцы ведут войну против России. Но с поимкой Уркварта тайная война против Российской империи не закончилась. Довольно сложная обстановка сложилась и в Русской Америке, на Аляске и в Калифорнии. Работы у людей из прошлого и будущего впереди непочатый край!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118492-6

© Михайловский А. Б., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Каждому свое	9
«Летучие мыши» выходят на тропу войны	18
Вспомним, товарищ, мы Афганистан...	23
Приглашение к путешествию	30
Часть 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Возвращение атлантов**

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Ильина Олега Васильевича

Пролог

Джо Болл до сих пор не верил, что ему повезло и он уцелел в том аду. Его, обессиленного, мертвой хваткой вцепившегося в обломок «Барракуды», подобрал где-то около полудня турецкий рыбацкий баркас. Рыбаки долго не могли оторвать его от куска шпангоута, в который мертвой хваткой вцепился Джо.

Еще через два дня турки высадили его в Трапезунде, откуда он на перекладных добрался до Константинополя. Явившись к виконту Понсоби, британскому посланнику в Турции, Джо Болл рассказал ему о том, что произошло в ту роковую ночь.

Сэр Джон был не только дипломатом, но и кадровым британским разведчиком, которому хорошо были известны все пути снабжения черкесов, живущих в российских пределах, порохом и оружием. Он знал о том, что в Анапу из Самсуна вышла шхуна «Барракуда» с грузами для горцев, сражающихся с русскими под знаменами имама Шамиля. На этот раз оружия и боеприпасов везли на сумму, превышающую сто тысяч турецких пиастров. Горцев теснили русские войска, и они крайне нуждались в военном снаряжении и порохе.

И вот, как выяснилось, она бесследно исчезла в морской пучине при тех же таинственных обстоятельствах, как это произошло с двумя другими британскими и турецкими грузовыми судами, попытавшимися прорвать русскую блокаду и в укромной бухточке передать черкесам свой груз.

– Значит, вы говорите, что на вас напал ночью корабль, без парусов и гребных колес? – спросил виконт Понсоби. – Постарайтесь как можно подробнее рассказать – как он выглядел и как все произошло.

– Сэр, это было ужасно, – Джо Боллу не хотелось вспоминать о том, что произошло в ту страшную ночь. Но он понимал, что британский посланник хочет услышать от него рассказ о гибели шхуны «Барракуда» не из праздного любопытства. – Мы шли к берегам Черкесии в темную безлунную ночь. Наш капитан радовался как ребенок, ожидая, что патрульные русские корабли в такой темноте не заметят нашу шхуну. Но этот дьявол, летящий над волнами, он, словно кошка, видел все...

Джо Болл не выдержал и скрипнул зубами. Виконт участливо покачал головой, налил в стакан немного портвейна и протянул своему собеседнику. Джо выпил вино, тяжело вздохнул и продолжил свой рассказ.

– Сэр, все произошло так быстро, что мы даже не успели ничего понять. Да, мы слышали о том, что у берегов Черкесии появились какие-то странные корабли, не похожие на те, что были в составе русского Черноморского флота.

Знали мы и о том, что несколько баркасов и шхун, груженных порохом и оружием для черкесов, не дошли до места назначения. Но в море могли произойти любые случайности – корабли могли разбиться о скалы, их могли опрокинуть сильные ветра, которые часто дуют в тех широтах. Правда, наши матросы – люди суеверные. Они говорили о каких-то морских чудовищах, которые нападали на корабли и утаскивали их на дно морское.

Сэр, лучше бы нам встретиться с такими морскими чудовищами...

Джо Болл закашлялся и вопросительно взглянул на графинчик с портвейном, стоявший на столике в кабинете британского посланника.

Виконт Понсоби, внимательно слушавший рассказ моряка, снова плеснул вина в стакан. Промочив глотку, Джо на мгновение прикрыл глаза. Он словно опять увидел скользящий по волнам с огромной скоростью белоснежный корабль, на котором не было ни мачт, ни парусов. Он был небольшой по размерам, пожалуй, даже чуть поменьше «Барракуды».

– Сэр, этот адский корабль появился перед нами внезапно, словно вынырнув из морской пучины. Он осветил шхуны чудовищной силы светом. Матросы, увидев его, страшно перепу-

гались. Некоторые крестились и читали молитвы, некоторые в панике метались по кораблю, ища, куда им спрятаться от этого выхода из преисподней.

Наш капитан приказал ставить все паруса, пытаясь спастись бегством – «Барракуда» была быстроходной шхуной, и не каждый русский патрульный корабль мог ее догнать.

«Остановитесь!» – раздался громкий голос. Он звучал как трубный глас архангела Гавриила. «Вы можете спасти свои жизни, если спустите паруса, ляжете в дрейф и не окажете сопротивление нашей досмотровой группе!»

Но наш капитан Роберт Стюарт, родом из Шотландии, был упрям, как все шотландские горцы. Он приказал матросам прибавить парусов и канонирам – открыть огонь из двух небольших пушек, стоявших на корме «Барракуды». Эх, лучше бы он этого не делал!

Джо Болл снова вздохнул и бросил взгляд на столик. Но графинчика с портвейном на нем уже не было. Облизав пересохшие губы, Джо на мгновение забылся. То, что последовало потом, он будет вспоминать до своего последнего часа.

– Сэр, шхуну нашу сильно качало, да и наши канониры стреляли отвратительно. Два ядра, выпущенные ими в сторону этого адского корабля, даже не долетели до него.

В ответ раздался выстрел, и в полукабельтове от бака нашей шхуны поднялся столб воды.

«Последнее предупреждение! – проревел над морем адский голос. – Еще один выстрел – и вы попадете в рундук Дэви Джонса!»

К нашему капитану бросились несколько моряков и стали умолять его сдаться. Они согласны были отправиться в страшную Сибирь, куда царь ссылает своих врагов, но где все же есть шанс остаться в живых и когда-нибудь вернуться в старую добрую Англию.

Но Роберт Стюарт был непреклонен. Он сам навел пушку, поднес фитиль к затравке и выстрелил в таинственный корабль, который приблизился к нашей шхуне и чуть сбавил скорость.

Ядро плюхнулось в воду рядом с вражеским кораблем, не причинив ему никакого вреда. Ответ же был ужасный. Я не знаю, сэр, какое вооружение установлено на этом корабле, только скажу вам, что в бою с ним ничего не сможет сделать даже стопушечный корабль. Наверное, это самое совершенное орудие для убийства, которое существует на свете.

На носу этого адского корабля запульсировал огненный цветок. И десятки взрывов загрели на палубе шхуны, убивая и калеча матросов, рубя, словно топором, снасти, в щепки разбивая рангоут.

Одним из первых погиб наш капитан. Его буквально разорвало на части. Я видел искромсанные трупы. Мне навстречу по палубе полз боцман Френк Джексон. Ниже колена у него не было ног, а вместо них торчали куски мяса и белели раздробленные кости.

Потом один из вражеских снарядов попал в трюм, где были сложены бочки с порохом. Раздался страшный взрыв. Я взлетел вверх, наверное, до самых салингов, и сверху видел, как наша красавица «Барракуда», расколота пополам взрывом, погружается в морскую пучину. Потом я полетел вниз. От страшного удара я потерял сознание, и уже не помню, как доплыл до куска шпангоута и из последних сил вцепился в него...

– Да, тебе повезло, – произнес виконт Понсоби, сочувственно похлопав моряка по плечу, – ты единственный, кто спасся после встречи с этим кораблем смерти. Остальные унесли тайну этого адского охотника с собой в могилу. Что ж, Джо, вот тебе немного денег – тебе их должно хватить для того, чтобы заплатить за каюту на почтовом корабле, идущем в Марсель. Ну, а оттуда ты доберешься до Кале, где до Англии уже рукой подать.

Джо Болл ушел, а виконт сел за стол и начал писать срочное донесение премьер-министру Великобритании сэру Роберту Пилю, сменившему трагически погибшего виконта Мельбурна.

«Все случившееся с “Барракудой” удивительно напоминает то, что произошло с нашими фрегатами у норвежских берегов, – подумал сэр Джон. – Значит, корабли-убийцы появились у русских и на Черном море. А это очень и очень опасно. В горах Кавказа войска импера-

тора Николая теснят бедных черкесов, которые из-за отсутствия пороха вынуждены отбиваться от русских лишь холодным оружием. Порох и другое военное снаряжение по морю подвезти невозможно – ни за какие деньги теперь не найти матросов и не зафрахтовать корабль, который бы рискнул отправиться к берегам Черкесии. Похоже, что русские получили шанс победоносно закончить эту войну, которая стоила им стольких жертв и надолго отвлекла их от продвижения на восток, в сторону Афганистана и Индии. А вот это – очень опасно для Британии...»

Часть 1

Восток – дело тонкое

Каждому свое

Пока на Черном море патрульные катера из будущего топили турецкие фелюги и британские шхуны, пытающиеся прорваться к Черноморскому побережью Кавказа, в Петербурге шла тихая, часто незаметная работа по чистке государственного аппарата от чиновников, которые не могли или не хотели трудиться на благо государства Российского.

Стараниями ведомства графа Бенкендорфа и при прямом содействии его советников из XXI века, согласно составленным проскрипционным спискам, тот или иной глава департамента, или высокопоставленный бюрократ, отправлялся в отставку или оказывался под следствием за взятки и казнокрадство. Понятно, что одним махом невозможно вычистить ту «Клоаку Максима»¹, в которую превратился государственный аппарат Российской империи. Но все ж даже самые самоуверенные чиновники, до сих пор считавшие, что они могут безнаказанно запускать свои вороватые руки в казну, вдруг поняли, что и до них могут добраться вездесущие агенты III отделения СЕИВ Канцелярии. Часть из них умерили свои аппетиты, а некоторые, от греха подальше, подали в отставку и укатали в свои имения.

Император Николай I не мог нарадоваться, глядя на свою любимую Адини, вернувшуюся из будущего. Она посвежела, похорошела, и ее было просто не узнать. Царь счел все это влиянием своего советника, подполковника Щукина. К тому же в прошлое, к великой радости Адини, вернулся и Сергеев-младший. Теперь влюбленные виделись практически каждый день. Николаю все больше и больше нравился будущий зять. Он был храбр, умен, честен и, самое главное, – Адини в нем души не чаяла.

В учебном подразделении заканчивал свою стажировку поручик Тенгинского полка Михаил Лермонтов. По отзывам лиц, наблюдавших за ним, поручик изменился в лучшую сторону – стал дисциплинированней, рассудительней и уже не старался самоутвердиться среди окружающих его людей, поддразнивая их. По возвращении его из будущего Николай решил поговорить с ним лично и уже потом принять окончательное решение – назначить Лермонтова командиром группы специального назначения, задачей которой будет борьба с мелкими маневренными группами горцев и перехват караванов с боеприпасами и оружием, тайными тропами следовавшими в Чечню и Дагестан из Турции, или, для начала, дать ему возможность постажироваться под началом более опытного командира. Александр Шумилин предложил в качестве такого командира есаула Якова Бакланова, который в данный момент служил в Донском учебном полку.

А курировать этот свой первый на Кавказе «спецназ» Николай, по совету того же Шумилина, должен был поручить Сергееву-младшему. Правда, для этого ему пришлось бы на время покинуть Петербург и отправиться на Кавказ, но император решил, что командировка будет недолгой. И когда жених великой княжны вернется из нее, то он благословит Адини и Николая на брак и отправит их в будущее, где они и обвенчаются. Императору не хотелось, чтобы о свадьбе его дочери узнали посторонние.

Чета Одоевских оставалась пока в будущем. Беременность протекала у княгини Ольги Степановны сложно, и для нее было бы лучше находиться под постоянным наблюдением опытных акушеров-гинекологов. Владимир Федорович, чтобы не сидеть без дела, писал свои вос-

¹ Так в Древнем Риме называли городскую канализацию.

поминания о Пушкине, Лермонтове и других своих современниках. В будущем находилась и Ольга Румянцева с Карлом Брюлловым. В общем, кто-то занимался устройством своих личных дел, а кто-то трудился не покладая рук. Среди последних был и Антон Воронин.

Он уже научился открывать портал из прошлого в будущее. Теперь можно будет обеспечить двухстороннюю связь между XIX и XXI веками. Важность нового открытия Антона Воронина трудно было переоценить. В случае необходимости можно, не дожидаясь открытия портала из будущего, запустить машину времени, установленную в прошлом, и оказаться в XXI веке. Антон провел несколько пробных открытий и закрытий порталов – агрегат работал как часы.

Узнав об успехах Антона, Олега Щукина вызвало в Москву высокое начальство. На прошедшем там совещании было решено инициировать освоение территорий в Русской Америке и в Калифорнии. Просто дух захватывало от открывшейся перспективы. Можно было с помощью портала на Дальнем Востоке перебросить в прошлое несколько ОТРК «Искандер-М» и поставить их на боевое дежурство на Аляске или в той же крепости Росс. В случае чрезвычайной ситуации будут открыты порталы, и выехавшие через них ОТРК проведут пуски ракет с ядерными боеприпасами. Перехватить их будет практически невозможно. Но это всего лишь один из вариантов использования открытия Антона Воронина.

В прошлом же было решено вплотную заняться освоением Дальнего Востока и Русской Америки. Для этого следует через порталы перебросить в XIX век несколько патрульных кораблей Тихоокеанского флота, чтобы приструнить британских и американских китобоев и промысловиков, браконьерствовавших в российских территориальных водах. Янки и британцы безжалостно истребляли в водах Аляски каланов, скупали за бесценок у местных жителей пушнину, спаивали чукчей и эскимосов. Было решено создать на паях компании, которые займутся добычей золота и серебра. Благо в будущем хорошо известны местонахождения участков в Калифорнии и на Аляске, богатых драгметаллами. Все это сулило большую выгоду и Российской империи, и РФ.

Император согласился ввести в правление Российско-Американской компании несколько человек из будущего. Одним из них он хотел бы видеть Виктора Сергеева, который был не только рачительным хозяином, но и его будущим родственником.

В настоящее время управляющим Российско-Американской компании является капитан 1-го ранга Адольф Карлович Этолин – уроженец Гельсингфорса, типичный швед, старательный, упрямый и хозяйственный. Император решил, что Сергеев-старший найдет с ним общий язык. Кроме того, отставному майору будет поручено негласное поручение – посланник России в США тайный советник Александр Андреевич Бодиско сообщил царю, что имеется возможность официально закрепить за Россией не только крепость Росс, но и некоторые территории в Калифорнии. Требовалось лишь кое-кому в Мехико дать «на лапу».

Николай Павлович сперва категорически отказался вести переговоры с мексиканцами – республиканцами и мятежниками, отделившимися в свое время от Испании, да и к взяткам, как и к прочим противозаконным, с его точки зрения, поступкам, царь испытывал отвращение. Но Олег Щукин уговорил императора дать отмашку посланнику Бодиско начать пока еще private переговоры с мексиканским правительством, а Виктору Сергееву прозондировать обстановку на месте, чтобы определить – что еще можно «отжать» у местных властей.

Дело в том, что в Калифорнии начальство менялось с калейдоскопической скоростью. Власть Мехико над Калифорнией была чисто номинальной. Хотя и в Мехико дела обстояли ненамного лучше. С 1832 по 1855 год власть там менялась 36 раз. Поэтому грех было не воспользоваться подобной политической нестабильностью и всерьез не обосноваться в Калифорнии. Так что надо будет осваивать не только бухту Бодега, на берегах которой расположилась крепость Росс, но и залив Сан-Франциско.

Так что работы было невпроворот. Все люди, как из прошлого, так и из будущего, осознавали важность того, что им предстоит сделать, и делали все, чтобы история России двинулась по новому пути.

* * *

Император Николай I сегодня целый день находился в тяжких раздумьях. А причиной тому стали известия, поступившие в Петербург из Франции. Касались они племянника Наполеона Бонапарта принца Шарля-Луи Бонапарта. Этот непутевый отпрыск брата великого корсиканца с юности был замешан в различных авантюрных делишках. Причем, несмотря на свое высокое происхождение, он не гнушался якшаться с людьми самого низкого пошиба.

Один его альянс с итальянскими карбонариями чего стоит! Правда, тут, похоже, не обошлось без дурного влияния старшего брата, Наполеона Луи, который ухитрился аж целую неделю побыть королем Голландии. Это ж надо было додуматься – два юнца намеревались похитить герцога Рейхштадтского – сына Наполеона Бонапарта от австриячки Марии-Луизы. Помимо всего прочего, герцог, которому тогда едва исполнилось двадцать лет, носил титул короля Рима. Этим и решили воспользоваться два братца – они собирались лишить власти римского первосвященника и, с помощью карбонариев, объявить сына великого корсиканца ни больше ни меньше как королем Италии.

Правда, все закончилось для них печально – заговор провалился, старший из братьев умер от кори (а может быть, его отравили – существовала и такая версия), а сам Шарль Луи, спасаясь от папской стражи, с английским паспортом в кармане сбежал во Францию, откуда его, от греха подальше, выслали в Британию.

После смерти кузена – герцога Рейхштадтского – Шарль Луи решил любыми путями занять трон своего гениального дяди. Он, при поддержке англичан, которые были весьма рады устроить смуту во Французском королевстве, стал печатать брошюры с возмутительным содержанием. В них он пытался совместить несовместимое – монархическую идею с республиканской.

Помимо агитации принц занимался и сугубо практическими делами. В 1836 году он попытался поднять вооруженный мятеж в Страсбурге, но был арестован и выслан в Североамериканские Соединенные Штаты, перед этим написав королю Луи Филиппу покаянное письмо, в котором признавался в преступности им содеянного, восхвалял великодушные и милосердные качества короля и просил о пощаде для своих сторонников.

Шарль Луи был упрямым человеком и огромным честолюбцем. Он втемяшил себе в голову мысль о том, что во что бы то ни стало должен стать императором Франции. Вернувшись из Нового Света, Шарль Луи начал готовить очередной заговор с целью захвата власти. В августе этого года он высадился со своими сторонниками в Булони и попытался взбунтовать солдат местного гарнизона. Но мятеж провалился, и принц Шарль Луи был схвачен и приговорен судом палаты пэров к пожизненному тюремному заключению. Отбывать наказание неисправимого бунтаря отправили в крепость Гам, расположенную в Пикардии.

Император с любопытством читал в свое время донесения русских дипломатов о похождении племянника великого дяди. К бунтовщикам он всегда относился с осуждением, и желание принца Шарля Луи свергнуть короля Луи Филиппа, который, если сказать честно, и сам пришел к власти с помощью парижской черни – недаром его называли «королем баррикад», – Николай считал преступным. Потому он посчитал приговор, вынесенный бунтарю, вполне справедливым.

Кроме всего прочего, император от своих друзей из будущего уже знал о том, что в конце концов Шарль Луи осуществит свою мечту и под именем Наполеона III все же займет трон своего дядюшки. И это несмотря на то, что по статьям Венского конгресса династии Бонапар-

тов было запрещено претендовать на французский престол. Помогут же ему удержаться у власти прусский король и австрийский император, которые, то ли из боязни воинственного французского монарха, то ли для того, чтобы досадить ему, российскому самодержцу, согласятся именовать этого выскочку своим братом. В то время как Николай в письме к нему обратился «мой друг».

А самое главное – именно этот самый сиделец из крепости Гам станет одним из тех, кто начнет в 1853 году войну против России – ту самую Крымскую войну, в которой его империя потерпит поражение, а он, Николай I, от огорчения и досады потеряет желание жить и править и умрет от воспаления легких. Так что никаких добрых чувств император к принцу Шарлю Луи не испытывал.

Но вот позавчера из сообщения парижских газет Николай узнал, что племянник Наполеона Бонапарта был застрелен караульными крепости Гам «при попытке к бегству». Конечно, император вполне допускал, что такой авантюрист, как принц Шарль Луи, мог и в самом деле попытаться сбежать. И караульные поступили именно так, как и должны были поступить по закону. Но все же произошедшее во Франции вызвало у Николая некоторые сомнения.

Он вспомнил, как во время одного из разговоров с подполковником Щукиным было, среди прочих, упомянуто и имя будущего французского императора. Гость из будущего как-то странно улыбнулся при этом. Зная брутальность этих людей, Николай заподозрил, что с принцем Шарлем Луи в самое ближайшее время может что-то случиться. И вот подтверждение тому – император еще раз взглянул на заметку во французской газете. Случайность, или?..

Циники еще в древности говорили: *Optime olere occisum hostem* – «труп врага всегда хорошо пахнет». Может быть, что это действительно так, и со смертью несостоявшегося французского императора у России станет одной заботой меньше. Но что, если к убийству этого авантюриста приложили руку люди подполковника Щукина? Не слишком ли вольно пришельцы из будущего распоряжаются жизнями коронованных особ? Конечно, Бонапарты – это парвеню, выскочки, но ведь с ними на равных разговаривали его отец и брат – императоры Павел I и Александр I.

Николай задумался, потом, решившись, достал из ящика письменного стола радиостанцию и связался с Александром Павловичем Шумилиным. Он полностью доверял этому человеку и надеялся, что тот сумеет разрешить его сомнения.

Честно говоря, Шумилин действительно ничего толком не знал о подготовке ликвидаторов из «конторы» к убийству Шарля Луи Бонапарта. Похоже, что Щукин вступил в негласный альянс со своим будущим зятем и все больше и больше вмешивается в нынешние дела. Это вполне закономерно – возможности и ресурсы государства несравнимы с возможностями и ресурсами группы частных лиц, даже если те и находятся в хороших отношениях со здешними властями.

Да и личностью покойный племянник Наполеона Бонапарта был глубоко аморальной. Он был отъявленным русофобом и мечтал, став императором, отомстить за поражение своего дяди во время Русского похода. На его совести – правда, имелась ли она у этого человека? – были также Крымская война, разрушенный Севастополь, разграбленные французской солдатней могилы адмиралов Нахимова, Корнилова, Истомина и Лазарева. Ну, и в довесок – война с Австрией, Мексиканская авантюра и колониальные войны в Северной Африке.

На прямой вопрос, заданный императором – имеют ли его люди какое-либо отношение к убийству принца Шарля Луи Бонапарта, – Шумилин, не кривя душой, ответил, что ему о причастности его друзей к этому делу ничего не известно. К тому же, если верить написанному в газете, арестанта застрелил охранник тюрьмы, который к людям из будущего никакого отношения не имеет.

– Ваше величество, – сказал он, глядя прямо в глаза императору, – а вы подумайте – кому была в первую очередь выгодна смерть этого человека? С моей точки зрения, более всего в

ней был заинтересован французский король Луи Филипп. Ведь он не мог спать спокойно, зная, что где-то живет, хотя и находясь за решеткой, неисправимый смутяня, который все двадцать четыре часа в сутках думает о том, как бы свергнуть с престола законного монарха. К тому же принц Шарль Луи, следуя заветам своего дядюшки, в случае удачи не станет церемониться со свергнутым королем Франции. Вспомните печальную судьбу герцога Энгиенского.

Николай с сомнением покачал головой.

– Ну, Александр Павлович, если вы так считаете... К тому же я вижу резон в ваших рассуждениях. Бог с ним, с этим несчастным, который вступил в борьбу за трон, поставил на кон свою жизнь и проиграл ее. Но я вас прошу, – тут император строго взглянул на Шумилина, – очень прошу – если у ваших друзей вдруг появятся намерения совершить нечто подобное, то пусть они прежде всего поставят меня об этом в известность. Договорились, Александр Павлович?

Император неожиданно улыбнулся и протянул ладонь Шумилину.

– Договорились, Николай Павлович, – Шумилин пожал руку царю. – Я даю вам в этом слово.

* * *

После беседы с императором, во время которой Николай завел речь о покойном принце Луи Бонапарте, Шумилин решил переговорить с Олегом Щукиным. Императора, кажется, удалось убедить в том, что мятежный племянник великого корсиканца был действительно застрелен охранником во время неудачной попытки к бегству. Но Шумилин, зная привычку некоторых ребят из «конторы» радикально решать некоторые серьезные проблемы, вполне допускал, что в этом деле не все чисто. И сегодняшний разговор должен будет убедить Олега не уподобляться слону в посудной лавке.

Шумилин встретился со Щукиным в усадьбе Сергеева-старшего – так сказать, на нейтральной почве. Сам Виктор занимался хозяйственными делами, так что старые друзья беседовали с глазу на глаз.

– Слушай, Олежка, – напрямую спросил Шумилин, – не твои ли ухорезы уконтропутили бедного принца, так и не дав ему стать императором? Уж больно все как-то кстати получилось – теперь воду мутить во Франции некому. И если «короля-грушу»² в конце концов попрут с престола, то будет провозглашена республика, где один президент будет соревноваться с другим в казнокрадстве.

– Не понимаю, Шурик, – пожал плечами Щукин, – тебе что, и в самом деле жалко этого клоуна? К тому же империю он так и не построит, угробит кучу народа, доведет Францию до войны с Пруссией, которую с треском проиграет. И, между прочим, – тут Олег пристально посмотрел на Шумилина, – не заложит в ходе своего правления бомбу под европейскую политику, которая в конце концов бабахнет в 1914 году.

– Все это так, но ты, Олег, так мне и не сказал – причастны ли твои ребята из «конторы» к смерти этого, как ты правильно сказал, клоуна? Поверь, мне его ничуть не жалко, да и сожженный и разрушенный Севастополь – на его совести. Только вот на Николая Павловича все это произвело не совсем приятное впечатление.

Мне, правда, удалось уболтать его, только учти – император мужик ушлый, и его так просто не проведешь. Ну не нравится ему ваши методы. Ты учти, что Николай – по натуре рыцарь и, к сожалению, мерит людей по своей мерке. Он никак не может понять, что наступили другие времена, причем абсолютно не связанные с нашим появлением в их времени. Император

² *Le Roi-Poire* (король-груша, *фр.*) – так во Франции называли Луи-Филиппа, последнего короля из династии Бурбонов, за его тучность.

любит играть в открытую, но садясь за карточный стол с шулерами, такой человек уже через полчаса проиграется до нитки.

– Хорошо, Шурик, я все понял, – примиряюще ответил Щукин. – Только скажи мне, дружище, как нам работать в этом мире? Ты полагаешь, что можно быть белым и пушистым, ведя тайную войну?

– Нет, конечно, – вздохнул Шумилин. – Я тоже в меру циничен. Только я попросил бы тебя заранее сообщать мне об очередных ваших спецоперациях, чтобы я имел возможность соответствующим образом подготовить Николая. Договорились?

– Договорились. – Похоже, что этот разговор был Олегу неприятен, но замечать мусор под ковер он не посчитал нужным. – Только, Шурик, я попрошу тебя, чтобы ты то, что узнаешь от меня, не сообщал третьим лицам. Ну, если это их непосредственно не касается. Ведь ты помнишь слова папы Мюллера: *Was zwei wissen, weiЯ das Schwein*.

– Угу, – кивнул Шумилин, – «Что знают двое, то знает и свинья». Насчет конфиденциальности можешь не сомневаться. Чего-чего, а в этом ты можешь быть уверен. Тем более что ты меня знаешь не первый год.

– Ладно, Шурик, проехали. Скажу только, что во время моей недавней командировки в наше время я встретился с *самим*, и у нас был с ним большой разговор. Я потом подробно перескажу тебе темы, которые обсуждались, а сейчас сообщу тебе в общих словах – начальство решило активизировать продвижение России на Дальний Восток и на Юг. Пока мы будем помогать готовить экспедицию Невельского к устью Амура. Если это получилось у него в нашей истории, то должно получиться и теперь.

А с генералом Перовским мы готовимся к новой Хивинской экспедиции. Только с учетом всех тех ошибок, которые были сделаны в предыдущей, и с использованием нашей техники. Думаю, что у сарбазов Аллакули-хана останутся незабываемые впечатления.

– Гм, а вы все это согласовали с Николаем? – спросил Шумилин. – Или опять будете ставить императора перед свершившимся фактом?

– Предварительные не прямые переговоры об этом были, – успокоил друга Олег. – Помнишь, когда адмирал Лазарев вернулся из нашего времени, он с глазу на глаз долго беседовал с Николаем? И – об этом знают немногие – передал ему личное письмо президента. В дополнение Михаил Петрович рассказал императору, о чем он беседовал с ВВП в Севастополе. Николай полностью доверяет Лазареву и считается с его мнением.

– Вот как, – Шумилин недовольно поморщился. Ему был не совсем приятен тот факт, что Олег Щукин теперь через его голову запросто общается с императором и решает многие вопросы, даже не советуясь с ним. С другой стороны, он прекрасно понимал, что время полупартизанских вылазок в прошлое уже прошло. Теперь воздействием на историю занимается *государство*, и с этим уже ничего сделать нельзя. Точнее, можно с помощью машины времени Антона Воронина взять да и сбежать в какие-нибудь более древние времена. Например, в XVIII век, в царствование «веселой императрицы» Елизаветы Петровны, или набиться в советники к царю Иоанну Васильевичу и помочь ему выиграть Ливонскую войну.

Только как же Адини? Она же не переживет расставания с Колей Сергеевым. А Ольга и Карл Брюллов? Дочка Щукина явно сохнет по своему жандарму. Да и самому Шумилину не хотелось бы попрощаться с императором Николаем Павловичем, с которым он уже успел сдружиться.

Ладно, будь что будет. К тому же его друзья нашли свои ниши в этом времени, и каждый занимается своим делом. Взять, к примеру, Олега Пирогова. Он теперь стал совсем своим для флотских офицеров и учит их уму-разуму, рассказывая о своих плаваниях в дальние страны. Конечно, сухогруз – это не шлюп или фрегат, но повидал Олег немало, причем места, в которых ему довелось побывать, для здешних мореманов – настоящая terra incognita.

Похоже, что Шукин почувствовал настроение друга. Он дружески похлопал его по плечу и предложил пойти прогуляться по имению отставного майора. Надо сказать, что под умелым руководством Сергеева-старшего жизнь в когда-то захудалой помещичьей усадьбе наладилась. Мужики не могли нарадоваться своему новому барину, который заботился о них, не обижал, не мучил барщиной, хотя и спуска не давал. Они теперь, обращаясь к Виктору, называли его не иначе как «батюшка», «отец родной», что, если сказать честно, Сергееву очень не нравилось.

Правда, последнее время Виктор Иванович занимался делами американскими. Он готовился к дальней командировке в Русскую Америку в качестве уполномоченного самого царя. Сергеев лопатил всю имеющуюся у него литературу о жизни русских на Аляске и в Калифорнии, составлял списки необходимого для улучшения быта поселенцев. Ну, и собирал сведения о месторождениях золота и серебра в окрестностях крепости Росс.

В самое ближайшее время он планировал совершить разведывательную вылазку с помощью машины времени во владения Российско-Американской компании. Командование Тихоокеанского флота получило указание от Верховного Главнокомандующего оказать ему в этом всю необходимую помощь. Кроме того, предполагалось использовать несколько пограничных кораблей, перебросив их через временной портал в XIX век для того, чтобы приструнить американских и британских браконьеров, нахально и безнаказанно орудовавших в водах, прилегающих к владениям РАК. В общем, работы должно хватить всем. Лишь бы было желание что-либо изменить в той истории, в которую они проникли с помощью чудо-агрегата, изобретенного Антоном Ворониным.

* * *

Князь Одоевский и его супруга совсем освоились в новом для себя мире. Он уже научился пользоваться карточкой банкомата, знал маршруты общественного транспорта в районе его дома, в котором они жили с Ольгой Степановной. Княгиня освоила бытовые приборы, вполне профессионально пользовалась микроволновкой, холодильником и посудомоечной машиной. А вечерами она смотрела по телевизору бесконечные сериалы, за что на нее добродушно ворчал супруг.

Конечно, жизнь в XXI веке мало была похожа на жизнь в XIX веке. Но Владимиру Федоровичу интересно было наблюдать за тем, как живут и здравствуют потомки. Он с улыбкой вспоминал о том, каким ему представлялся мир будущего, когда он писал свой фантастический роман «4338 год». Каким же он был тогда наивным...

Князь получал от здешних властей достаточно большую сумму денег, но он не желал сидеть на шее своих благодетелей. Одоевский начал зарабатывать тем, что засел за написание воспоминаний о своих встречах в XIX веке с такими известными людьми, как Грибоедов, Пушкин и Лермонтов. Для того чтобы их напечатать, пришлось даже пойти на мистификацию. Олег Шукин нашел одного начинающего литературоведа, работавшего на «контору». По легенде, он якобы нашел у одной старушки на чердаке ее дома в провинции архив с еще неопубликованными записками князя Одоевского. Но оригиналы этих записок литературовед не представил, ограничившись их фотокопиями. Дотошные коллеги литературоведа провели тщательную графологическую экспертизу найденных записок и получили полное подтверждение их подлинности.

«Записки князя Одоевского» были вскоре опубликованы и вызвали настоящий фурор среди историков всего мира. В них были еще неизвестные подробности из жизни знаменитостей. Литературовед получил широкую известность и славу, а гонорары за публикации своих воспоминаний пришлось князю весьма кстати. Ольга Степановна должна была хорошо и правильно питаться. Беременность ее протекала сложно, и она все время находилась под наблюдением врача, которого порекомендовал ей доктор Кузнецов.

Сама княгиня много гуляла, беседовала с мужем, вспоминая о разных интересных случаях из их прежней жизни. Вырисовывался план общей книги воспоминаний о литературном бомонде первой половины XIX века. Одно из издательств, куда с предложением об издании такой книги по совету подполковника Щукина обратился Владимир Федорович, уже заключило с князем договор и выплатило ему солидный аванс.

Довольно часто супругов Одоевских навещали Ольга Румянцева и Карл Брюллов. Они тоже пока не спешили вернуться в прошлое. Им было хорошо в будущем. Карл был влюблен по уши в «кузину белошвейку» и написал множество ее портретов, на которых она была изображена веселая, грустная, задумчивая, безмятежно спокойная...

Ольга возила его по своим любимым уголкам Ленинградской области и Карелии, и Карл часами сидел с этюдником, рисуя древние курганы на берегу Волхова у Старой Ладogi, скалы и скиты острова Валаам, водопады и чистые, как слеза, воды карельских озер.

Как-то раз Брюллов признался, что до знакомства с нею он плохо знал страну, в которой родился и вырос. И только теперь он убедился, что в ней можно найти замечательные по красоте места, которых нет ни в Греции, ни в Италии. И его теперь совсем не тянет на юг, чтобы снова рисовать улочки итальянских городов и пышнотелых пейзажей, срывающих виноградные грозди под лучами ласкового южного солнца.

А сколько прекрасных лиц он встречал во время своих прогулок с Ольгой!

– Знаешь, любимая, – как-то раз сказал он ей, – никогда в жизни я еще не рисовал с таким удовольствием, как сейчас. Как жаль, что я не могу выставить некоторые свои картины на всеобщее обозрение. Мне трудно будет объяснить людям – что это за удивительная машина нарисована мною на заднем плане, и почему так странно одеты девушки, весело беседующие у входа в метро.

Ольга хотела продать несколько картин, нарисованных ее Карлушей, но Олег Щукин отговорил «кузину белошвейку» от столь опрометчивого поступка.

– Понимаешь, Ольга, искусствоведы легко установят, что рисунок на холсте действительно сделан рукой Карла Брюллова. Да, можно нарисовать картину на старом холсте красками из XIX века. Но экспертиза легко установит, что при подлинности красок и холста, картина эта нарисована не полтора столетия назад, и ей всего два месяца. Начнутся разговоры, журналисты станут шустрить, пытаясь найти разгадку очередной «тайны века». А нам это надо?

Ольга согласилась, что им, действительно, подобные сенсации ни к чему. И повесила несколько картин у себя в квартире. Из-за них она чуть было не рассорилась с Брюлловым. А дело было так.

Как-то раз к ней домой заглянула одна старая знакомая. Девушка эта отличалась «низкой социальной ответственностью», но не настолько, чтобы с ней было противно иметь дело. Для начала она попыталась пофлиртовать с Брюлловым, а потом, увидев, что тот не обращает на нее внимания, стала нахваливать картины, висевшие у на стене.

– Ольга, это круто! Скажи, где ты заказала такие картины? Наверное, они стоили тебе кучу денег?

«Кузина белошвейка» усмехнулась и ответила на вопрос своей подруги уклончиво – дескать, по случаю один знакомый художник нарисовал их и денег при этом не взял. Карл Брюллов, который внимательно слушал беседу женщин, не выдержал и признался в авторстве картин. Подружка, взвизгнув от восторга, тут же вцепилась в художника и категорически потребовала, чтобы тот нарисовал и ее тоже, причем обязательно обнаженной.

– Карл, ты знаешь, у меня умопомрачительная грудь, – брякнула она оторопевшему от такого напора художнику. – А какие забойные тату я недавно сделала на ягодицах!

И она чуть было тут же не задрала юбку, чтобы продемонстрировать эти самые тату.

Но тут Ольга не выдержала и буквально взашей вытолкала из дома наглую подругу, велев ей забыть дорогу в ее дом. А потом всерьез наехала на бедного Карла, обозвав его распутной личностью и бабником.

Правда, уже через пять минут, немного остыв, она попросила у него прощения. Карл не смог устоять перед ее чарами и перестал на нее дуться. Ольга успокоила его старым проверенным способом – как это обычно делают потомки Евы. Но наутро Ольга сняла со стен все картины, а Брюллов нарисовал очередной ее портрет, где она была изображена в виде гневной фурии, мечущей молнии и испепеляющей всех вокруг своим взором.

Во время одной из посиделок у Одоевских Ольга рассказала о том трагикомическом случае, чем рассмешила всех присутствующих. Княгиня Одоевская, отсмеявшись, неожиданно спросила у своей тезки:

– Скажите, а почему многие женщины у вас ходят в рваной одежде? Я вижу, что у них есть дорогие украшения, да и выглядят они далеко не бедными и нищими. А панталоны у них – простите, брюки – словно порваны стаей злых собак. На одежде такие дыры, что сквозь них просвечивает голое тело. Ведь это неприлично...

Ольга Румянцева лишь пожала плечами. Она много лет занималась шитьем мужской и женской одежды, кое-что понимала в моде, но так и не смогла въехать в тему – в чем прелесть рваных брюк, больше похожих на обноски бомжей.

– Скажите, Ольга Степановна, – обратилась она к княгине, чтобы закрыть эту, не совсем приличную для жителей XIX века тему, – а что вам у нас понравилось?

Одоевская задумалась. Она погладила себя ладонью по уже заметному животику, засмушалась и сказала.

– На днях я видела, как дети в первый раз идут в школу. Это у вас называется Днем знаний. Очень красивый праздник. Мне так хочется, чтобы наш сын или дочка, одетые так же нарядно, шли в школу, чтобы было много цветов, и был звонок, зовущий их на занятия.

– Все это будет у нас, дорогая, – ласково произнес князь, погладив жену по руке. – Поверь мне, мы вырастим нашего сына – а мне почему-то кажется, что у нас будет именно сын, и он будет таким же умным и красивым, как ты.

– А мы с Карлом собираемся ненадолго вернуться в прошлое, – сказала Ольга, – Карл немного по нему скучает, да и мне хочется посмотреть – как там идут дела. Когда вернемся, мы обязательно зайдем к вам и поделимся новостями...

«Летучие мыши» выходят на тропу войны

– Ну что, орлы, прогуляемся по Америке? – Олег Шукин осмотрел стоящих перед ним спецназовцев. Он ожидал, что кандидаты на разведывательную вылазку в район крепости Росс каким-либо образом выразят свое удивление, но похоже, что «квартирьеры» – так называли их для краткости в отделе «Х» – уже догадывались о цели их предстоящей экспедиции и потому внешне оставались спокойными. В общем-то, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что если собирают вместе людей, которые: а) знают историю Русской Америки; б) владеют английским и испанскими языками; в) умеют пользоваться не только всеми видами современного огнестрельного и холодного оружия, но и знают, как стрелять из кремневых ружей, старинных пушек и фехтовать на саблях и шпагах, – то, скорее всего, их готовят к отправке туда, где все их навыки и умения могут пригодиться. Ну не для очередной же сходки ролевиков и униформистов их готовят?

Перед инструктажем «квартирмейстеров» еще раз проверили и перепроверили, прогнали через полиграф и провели беседу, в ходе которой сразу предупредили о том, что действовать им придется в непривычной для них обстановке. И кое-кто из них может не вернуться домой.

Но орлов из «студенческого стройотряда»³, которые прошли огонь и воду, были проверены и перепроверены, что называется, насквозь, шанс вернуться в качестве «груза 200» не сильно напугал. К тому же необычность работы в отделе «Х», о котором ходили самые невероятные слухи, заинтриговала воинов из племени «летучих мышей». Правда, теперь эмблемой спецподразделения ГРУ стала красная гвоздика с трехпламенной гренадой в центре, но по старой памяти ветераны продолжали считать своим «тотемом» крылатую мышку на фоне земного шара. Как поется в их песне:

Если в лунную ночь ты заглянешь под крышу,
Ты увидишь там нас. Мы – Летучие Мыши.
Мы – летучие души, не слетевшие с крыши,
Только звезды нас выше, только небо нас тише.
Не пугайте нас болью, боль давно мы не слышим.
Не пугайте нас пулей, сами их в горах ищем.
Если мы погибаем – не ищи с нами встречи.
Мы летим на Луну, мы летим прямо в вечность...

Подполковник Шукин был из другого ведомства, но при формировании отдела «Х» руководство страны решило привлечь к выполнению силовых задач в другом времени лучших из лучших. Потому-то дюжина стоящих перед Олегом бойцов могла считаться элитой спецназа.

– Да-да, я не оговорился, – сказал Шукин, – вам предстоит отправиться в Америку. Но не в нынешние Соединенные Штаты, а в Калифорнию, которая еще пока мексиканская, и где на расстоянии около восьмидесяти верст от нынешнего Сан-Франциско расположена колония Российско-Американской компании крепость Росс. Она более известна как Форт-Росс.

– Значит, мы попадем во времена до 1841 года, – подал голос капитан Мальцев, старший группы «мышек». – Ведь, если мне не изменяет память, в 1841 году сама крепость Росс и земли вокруг нее были проданы некоему Джону Саттеру – человеку, на землях которого вскоре найдут золото и начнется знаменитая «золотая лихорадка».

– Да, в нашей истории все было именно так, – кивнул подполковник Шукин. – Но в этом варианте истории дела в 1840 году идут несколько по-другому. Дело в том, что с помощью

³ Так порой называют бойцов ССО – сил специальных операций.

машины времени – да-да, именно машины времени – мы уже обжились в XIX веке и установили контакт с императором Николаем Павловичем. Хороший контакт.

Кое-что нам уже удалось там сделать. Например, наладить блокаду Черноморского побережья Кавказа. Ведь вы, наверное, помните, что Россия ведет в это время затяжную войну на Кавказе. Лермонтова читали?

Все «спецы» дружно закивали – многие из них успели побывать в «командировках» на Северном Кавказе, получили за них награды, а кое-кто – и ранения.

– А с Лермонтовым вам не довелось там встречаться? – поинтересовался старший лейтенант Скоробогатов, считавшийся одним из лучших рукопашников.

– Довелось, – улыбнулся Щукин. – Скажу больше – Михаил Юрьевич побывал у нас, в XXI веке, и прошел краткий курс обучения в одном из наших учебных подразделений. Он теперь снова в своем времени и командует особой группой – чем-то вроде нашего спецназа.

Вот тут-то «мышки» по-настоящему удивились. На их лицах можно было увидеть недоверие, восхищение и зависть. Надо же, классик, автор «Бородина» и «Валерика», «Героя нашего времени», оказывается, жил совсем рядом, занимался на тренажерах, дырявил пулями мишени на стрельбище и махал руками и ногами в спортзале.

– Товарищ подполковник, – спросил капитан Мальцев, – а почему мы тогда отправляемся не на Северный Кавказ, а в Калифорнию? Ведь там мы принесли бы большую пользу.

– А потому, товарищ капитан, – назидательно произнес Щукин, – что, как говорил Козьма Прутков, «всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте». На Северный Кавказ отправились ваши коллеги, которые там успешно работают над замирением мятежных аулов. Ваша же основная задача – крепость Росс и прилегающие к ней территории.

– Мы что, будем завоевывать всю Северную Америку? – полусерьезно, полушутя спросил старший лейтенант Кононенко, штатный специалист по минно-взрывным работам.

– Для этого ваших сил явно маловато, – усмехнулся Щукин, – хотя, конечно, ребята вы brave, и дай вам команду, вы до самого Вашингтона дойдете. Но такой команды я вам не дам. Ни к чему это.

А вот помочь русским прочно устроиться в Калифорнии, причем не только в районе крепости Росс, но и в районе нынешнего Сан-Франциско, а возможно, и в некоторых других районах, вам придется. Конечно, тут главная работа предстоит нашим политикам и дипломатам, а вам придется заниматься многими вещами, в том числе и охраной русской колонии, вокруг которой шастают разные банды как мексиканских бродяг, так и местных индейцев, вступивших на тропу войны и нападавших на всех бледнолицых без разбора.

Но это так, дела текущие, с которыми справились бы и казачки-пластуны, которые, кстати, будут отправлены вместе с вами в крепость Росс. Основной же вашей задачей будет проведение разведки территории Калифорнии на предмет обнаружения разных полезных ископаемых, прежде всего – золота и серебра. Опять-таки, работать вам придется вместе с нашими геологами и местными проводниками, в том числе и с индейцами кашайя, испокон веков живущими в тех краях.

Между прочим, именно они уступили земли для строительства первому коменданту крепости Росс Ивану Кускову за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги, несколько ниток бус. Так что сделка вполне законная. Ведь остров Стейтен-Айленд – ныне это один из районов Нью-Йорка – голландцы купили у индейцев делаваров за байковые одеяла, котлы, топоры, мотыги, шила, губные гармоники и вампум (индейский бисер, служивший подобием денег) – всего на сумму 60 гульденов. Причем в подписанном договоре было упомянуто, что продавцы-индейцы были очень довольны сделкой.

– И здесь кидалово! – прокомментировал слова Щукина старший лейтенант Нефедов, специалист по выживанию. – Но сейчас-то совсем другие времена, и мексиканцы не продадут нам целый штат за одеяла и штаны.

– Сие не наше дело, – ответил подполковник, – пусть расширением территории занимаются дипломаты и купцы. Нам нужна территория, с которой мы можем достать янки, что называется, с черного хода. Ведь у нас есть машина времени. Причем она открывает портал не только из нашего времени в прошлое, но и из прошлого в наше время. Понимаете, о чем идет речь?

– Угу, – первым ответил капитан Мальцев. – Значит, помимо поиска золотишка нам придется искать и еще кое-что.

– Именно так, – кивнул Шукин. – Нам нужно найти подходящие площадки для строительства складов, мест базирования тактических и оперативно-тактических ракет, аэродромов и гаваней. Пока наши отношения с Вашингтоном не достигли критического уровня, все находящееся в прошлом будет мирно складироваться в местах хранения, а кое-что может послужить и нашим предкам – например, аэродромы и гавани. А когда дело дойдет до... Ну, вы поняли, о чем я говорю... Вот тогда заработают порталы, и Штаты поймут, что их навестил большой пушной зверек. Если, конечно, они успеют это понять...

– Все ясно, товарищ подполковник, – ответил за всех капитан Мальцев. – Мы готовы отправиться в прошлое. Когда мы стартуем?

– Думаю, что где-то через неделю, – сказал Шукин. – Спешить с вашей командировкой мы не будем, как и тянуть тоже. С сегодняшнего дня вы находитесь в режиме ожидания. Связь с внешним миром прерывается, а чтобы вам не было скучно, вы посмотрите то, что мы отсняли на видео во время наших посещений Российской империи 1840 года. Полагаю, что у вас появится новая информация к размышлению...

* * *

Шумилин загостился в имении своего старого друга. Скоро они расстанутся, и бог знает когда снова увидятся. Ведь Иванычу предстоит отправиться в места дикие, цивилизацией не охваченные. Там индейцы обожают снимать скальпы с бледнолицых, и вполне европейского происхождения бандиты при случае готовы перерезать глотку первому встречному за горсть монет. Словом, сплошной ад кромешный.

Но Сергеев-старший побывал и не в таких переделках, и напугать его было не так-то просто. К тому же в Калифорнию он отправлялся не один, а в сопровождении дюжины «вежливых людей». Отставному майору приходилось встречаться с этими ребятами во время службы в Афгане и в Чечне. Им палец в рот не клади – спецы могут запросто уделывать любого, самого пестро раскрашенного краснокожего, пусть он будет самым Чингачуком.

Шукин, правда, предупредил, что «мышки» – это, так сказать, «тяжелая артиллерия». К тому же у них будет свое особое задание. А для охраны резиденции управителя крепости Росс император выделил с царского плеча отряд казаков из состава Черноморского казачьего войска. Это были знаменитые пластуны – отличные стрелки, следопыты, словом, отборные воины, которые смогут обеспечить надежную охрану русской колонии.

Возглавит пластунов старый знакомый Сергеева – Никифор Волков. С этим парнем Иваныч уже успел подружиться и полностью ему доверял. Начальство из XXI века обещало в самое ближайшее время подкинуть в крепость Росс вездеходы, беспилотники и кое-что из современного оружия. Впрочем, вести серьезные боевые действия в Калифорнии пока было не с кем.

Мексиканцы, занятые своими местными разборками, меньше всего ломали головы над тем, чтобы защитить свои забытые богом окраинные территории от алчных соседей. Индейцы же чаще всего ограничивались небольшими набегами на селения подконтрольных русской администрации территорий. Ну, а местные бандиты, получив отпор, должны сделать надлежащие выводы и держаться от крепости Росс на почтительном расстоянии.

Сергеев-старший вез с собой письмо-предписание для нынешнего управителя крепости Росс Александра Гавриловича Ротчева. В нем тому предлагалось передать все дела надворному советнику Виктору Ивановичу Сергееву (будущий глава русской Калифорнии получил повышение – правда, в гражданском чине) и отправиться в Россию. Императору не понравилась информация о Ротчеве, полученная из будущего. Дело в том, что, помимо литературных дел, Александр Гаврилович вел переписку с Герценом и Огаревым – личностями, которые уже попали в поле зрения богоугодного заведения графа Бенкендорфа за свои увлечения социалистическими идеями.

В личном плане у Ротчева тоже было не все в порядке – он женился на княжне Елене Гагариной вопреки воле ее родителей. Ну, и дела при Александре Гавриловиче шли неважно – колония несла убытки, расходы превышали доходы, и свою основную задачу – снабжать продовольствием Русскую Аляску – она не выполняла. Правда, тут была вина не только Ротчева – в крепости просто не хватало рабочих рук, чтобы заниматься сельским хозяйством в этом богатейшем краю.

Виктор Сергеев перечитал множество материалов о положении дел в Калифорнии и пришел к выводу, что без реальной помощи государства ничего толкового там не получится. Правда, в отличие от предшественников, у него было огромное преимущество – возможность напрямую с помощью мощной радиостанции связываться с Петербургом и в рекордно короткие сроки решать все насущные вопросы.

Кроме того, Сергееву была обещана помощь от отдела «Х», подразделение которого создали в Петропавловске-Камчатском. Там уже заработала установка по перемещению из будущего в прошлое, и именно через нее в Русскую Америку и должны отправиться Сергеев-старший, «мышки» и казачки. Самолетом их перебросят на Камчатку, а уже оттуда – в Калифорнию.

Конечно, путешествие через портал в будущее должно несказанно удивить тех, кто до этого не имел представления о машине времени. Но рано или поздно о таких путешествиях все равно станет известно, а потому, как было решено на совещании с участием императора, со всех неофитов прикомандированный к ним батюшка возьмет крестное целование – своего рода подписку о неразглашении.

Виктор Сергеев бродил по своей усадьбе. Ему жалко было покидать село и расставаться с людьми, к которым он уже привык. Крестьяне, которые души не чаяли в новом барине, со слезами на глазах уговаривали его не бросать их.

Иваныч хотел взять с собой в Калифорнию несколько наиболее смысленных мужиков с их семьями. Но только согласятся ли они покинуть родные места и отправиться на другой конец света, где все чужое и незнакомое?

– Знаешь, Палыч, – жаловался он своему другу, – я, конечно, человек военный, и понимаю, что надо кому-то наладить более-менее нормальную жизнь в этой самой Калифорнии. Но все равно на сердце кошки скребут. Жалко оставлять все уже сделанное кому-то. Николай мой сейчас на Кавказе, воюет. К тому же за свою невесту – царскую дочь, император даст хорошее приданое – дворец или особняк какой-нибудь. Ты не знаешь – кому отдадут мое поместье?

– Вроде моему Вадиму предлагают, – ответил Шумилин. – Из него, правда, барин – как балерина из гиппопотама. Правда, как я слышал, у тебя здесь толковый управляющий. Ты его не берешь с собой?

– Нет, он не хочет семью тащить за тридевять земель. Так что если что, он тут за порядком последит. А твой сынуля пусть время от времени надувает щеки и делает умное лицо. Большого от него и не требуется.

– Знаешь, Иваныч, – задумчиво произнес Шумилин, – смотрю я на тебя и удивляюсь. Внешне ты – точь-в-точь Александр Андреевич Баранов, первый главный правитель Русской Америки. Вот мужик был!

– Читал я про него, – усмехнулся Сергеев. – Только мне до него далеко. Хотя кое-каким приемам обращения с местными племенами не худо у него поучиться. Ему приходилось действовать и кнутом, и пряником. Правда, индейцы тлинкиты – еще те бестии. С ними Баранов воевал долгие годы. Калифорнийские индейцы кашайя – ребята более покладистые.

– Думаю, что тебе здорово поможет наша техника. Все-таки вездеходы – для местных аборигенов штука доселе неизвестная, и огромная железная машина,двигающаяся на гусеницах по равнинам Калифорнии, нагонит на них такого страха, что ты, управляющий этой машиной, станешь для них посланцем самого Мадунды – их верховного божества. Я уже не говорю про беспилотники. Железные птицы, слушающиеся бледнолицых! Это покруче «Фауста» Гёте!

– Стебешься? – Сергеев криво усмехнулся. – А мне не до смеха. Хотя все-таки очень интересно – что у нас там получится. Знаешь, я когда-то мечтал переиграть историю и сделать так, чтобы наши не отдавали этим янки Аляску и крепость Росс. Ну не нравилось мне, что землю, освоенную русскими людьми, продают, словно корову на базаре.

А теперь у меня появилась возможность осуществить свою давнюю мечту. Будет Калифорния русской, и Аляска тоже. А может, и еще кое-чего удастся прихватить под шумок...

– Ну ладно, Иваныч, не вешай носа. В конце концов, аппаратура для открытия портала будет у тебя под рукой, и если что, то мы окажем тебе помощь, или вытащим оттуда – это в зависимости от того, как у тебя пойдут дела. Нашим предкам было труднее. А мы, можно сказать, будем действовать почти в тепличных условиях.

Кстати, планируется создать на Тихом океане флотилию из кораблей XIX и XXI веков, которые всерьез займутся браконьерами в водах, прилегающих к Русской Америке. А то, понимаешь, эти янки и инглизы совсем распоясались. Делают что хотят, причем по-наглому, словно не мы, а они там хозяева. Возглавить флотилию адмирал Лазарев предложил капитану 1-го ранга Нахимову... Да-да, тому самому. Между прочим, он во время кругосветного плавания на фрегате «Крейсер» уже побывал в тех краях. Да и моряк он опытный. Дадим ему помощника из наших ребят, и – держись, браконьеры!

В общем, дружище, не грусти – ведь как там в песне поется: «Что Сибирь, что Аляска – два берега!» Сибирь – наша, и Аляска будет наша!

Вспомним, товарищ, мы Афганистан...

Сегодня днем с Шумилиным связался по радиации император и попросил встретиться с ним в Аничковом дворце. Похоже, что тема, о которой хотел переговорить с ним царь, была настолько приватной, что присутствие дворцовой obsługi в данном случае было нежелательно. В Аничковом же дворце слуг еще несколько месяцев назад с согласия графа Бенкендорфа тщательно пропустили через фильтры III отделения и через детектор лжи. Все, кто не вызывал доверия, были удалены, и в помещениях дворца можно теперь спокойно поговорить, не опасаясь слишком любопытных лакеев.

Как оказалось, поводом для randevу стало письмо Владимира Даля, которое тот с фельд-егерем прислал в Петербург на имя Василия Алексеевича Перовского. Письмо это оказалось настолько любопытным, что адресат поделился его содержанием с царем, а тот, в свою очередь, решил переговорить с Шумилиным.

Многие слышали, что Владимир Иванович Даль, тот самый, который составил знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», находился в Оренбурге в качестве чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Перовском. Но мало кому известно, что Даль возглавлял при штабе Перовского что-то вроде его личной разведки. Он занимался сбором информации обо всем, что происходило на территориях, прилегающих к владениям Российской империи.

Владимир Иванович внимательно наблюдал за тем, что происходило сейчас в Афганистане. В апреле 1839 года туда вторглось пятнадцатитысячное британское войско. Его сопровождало более 30 тысяч обозников, слуг и носильщиков. Целью этого вторжения было свержение правящего тогда в Кабуле Дост Мухаммед-хана, эмира Кабула, который проводил, с точки зрения англичан, слишком независимую политику и делал попытки сближения с Россией. Это и вызвало ярость британцев.

Еще с времен несостоявшегося русско-французского похода в Индию англичан бросало в холодный пот от одной мысли о том, что русские возьмут, да и выгонят их из страны, которая по праву считалась жемчужиной в британской короне. И любая активность русской дипломатии в Средней Азии вызывала панику в Лондоне. Потому-то англичане и решили силой оружия свергнуть строптивого Дост Мухаммед-хана и заменить его на послушного им Шах Шурджа уль-Мулька. Только британцы еще не догадывались, что Афганистан – это страна, в которую легко войти, но очень трудно выйти.

Впрочем, поначалу у Экспедиционного корпуса, которым командовал генерал Джон Кин, дела шли неплохо. Англичане захватили Пешавар и Газни, а 7 августа 1839 года торжественно вступили в Кабул. Дост Мухаммед-хан бежал на север, пытаясь поднять тамошние племена против вторгшихся «инглизов». Но это у него не получилось, и после неудачного сражения с британцами в районе Чарикара он попал к ним в плен.

На кабульском престоле уселся новый эмир Кабула – Шах-Шурджа, который стал править под диктовку британского резидента Уильяма Макнатена.

«Цивилизаторы» с берегов Темзы посчитали, что война (точнее, легкая горная прогулка) закончилась и Афганистан приведен к полной покорности. Не знали они, что война только началась. В апреле 1840 года восстали гильзаи, перехватившие на время важнейшую транспортную артерию – дорогу из Кандагара в Кабул. Именно по ней шло снабжение британского гарнизона в столице Афганистана. В том же году восставшие белуджи взяли штурмом город Келат, вырезав в нем британский гарнизон. А в сентябре узбекское ополчение выбило англичан из Бамиана.

Вот об этом-то и сообщил в своем письме Перовскому Владимир Даль. Он вместе с Василием Алексеевичем участвовал в неудачном для русских войск походе на Хиву. И он также

считал, что альтернативы нет – только покорив разбойничьи кочевые племена и разобравшись с их покровителями в Хиве и Коканде можно обезопасить рубежи Российской империи и торговые караваны русских купцов, которые регулярно грабили банды кочевников.

– Александр Павлович, – сказал император Шумилину, – как мне помнится, в вашей истории англичан, вошедших в Афганистан, ожидает страшный разгром. Все их войско вместе с сопровождавшими его женщинами и слугами будет вырезано афганцами. Спасется лишь один человек – военный врач, который, голодный и израненный, доберется до британских владений. Почему же так случилось? Почему превосходно обученная и хорошо вооруженная английская армия будет разбита дикими племенами, вооруженными кое-как и сражавшимися толпой, не применяя строя и используя тактику времен Александра Македонского?

– Ваше величество, – ответил тот, вспомнив свою недолгую службу «за речкой». – Примерно так же афганцы воевали и с нами в XX веке, когда наши войска вошли в Афганистан и в конце концов были вынуждены его покинуть. Не советовал бы и вашим войскам туда соваться. Афганистан же нужен нам, чтобы британцы знали – горные перевалы, ведущие в Синд, находятся в руках русских, и в случае чего с них могут спуститься войска, которые легко разгромят английские колониальные части, состоящие в основном из индийских солдат – сипаев.

Ведь однажды так оно и было. В 1751 году войска афганского Ахмад-шаха Дуррани захватили Кашмир, а в 1756 году заняли Дели, посадив на трон Великих Моголов свою марионетку – Аламгира II. В 1760 году в кровопролитнейшем сражении при Панипате они разбили огромное войско маратхов. Только убитыми противник афганцев потерял 75 тысяч человек, а еще около 30 тысяч попало в плен.

Афганцы – прирожденные воины. И если британцы настолько глупы, что надеются покорить Афганистан, то пусть попытаются это сделать. Завязнув в этой стране, они тем самым развяжут нам руки для наступления на Хиву, Бухару и Коканд.

– А как долго усидит на троне Шах-Шурджа? – поинтересовался Николай. – Ведь после разгрома англичан он должен бежать из Кабула, иначе ему не сносить головы.

– Именно так он и поступит, ваше величество, – ответил Шумилин. – Шах-Шурджа бежит, а на престол в Кабуле снова вернется Дост Мухаммед-шах. Жаль, конечно, что бывший министр иностранных дел империи граф Нессельроде не захотел в свое время послушаться нашего резидента в Кабуле Виткевича и заключить договор с Дост Мухаммед-шахом о помощи ему оружием и советниками.

– Да, этот мерзавец Нессельроде все время врал мне, рассказывая, что нельзя вести никаких переговоров с этим афганским дикарем, и что из-за него могут испортиться наши отношения с Британией! Как будто они и до этого были безоблачными.

А ведь из-за происков того же Нессельроде мы фактически потеряли Персию. Наш посол в Тегеране генерал Иван Осипович Симонич находился тогда в качестве главного военного советника в войсках наследника персидского престола Мохаммед-шаха, осадившего в 1837 году Герат. Если бы персиянам удалось бы захватить этот город, который фактически является воротами в Индию, то наши войска могли бы пройти через дружественную нам территорию и выкинуть британцев из их индийских владений.

Но Нессельроде добился того, чтобы Симонича отозвали из Персии, а вместе с ним и тех русских офицеров, которые помогали персам в осаде Герата. В то же время из Кабула отозвали и Виткевича, который провел успешные переговоры с Дост Мухаммед-шахом.

– Нессельроде уже в отставке, – сказал Шумилин, – но его тайные агенты продолжают творить свои черные дела. Надо как следует почистить Министерство иностранных дел, которое при Нессельроде превратилось в «Министерство странных дел». Надо удалить из него людей глупых, ленивых и откровенных предателей.

– Кстати, Александр Павлович, – император достал еще одну бумагу из ящика письменного стола. – Я получил еще одно письмо из Оренбурга. От кого – не суть важно. В нем

сообщается, что господин Дубельт, недавно отправленный туда для того, чтобы вести борьбу с тайными агентами наших недругов, завел подозрительные знакомства с восточными купцами, которые, по мнению автора этого письма, сильно смахивают на европейцев. Такого я от Леонтия Васильевича не ожидал. Похоже, что обида из-за отстранения его от власти толкнула когда-то достойного человека на связь с иностранными агентами. А это очень опасно, учитывая то, что господину Дубельту по роду его предыдущей службы известно слишком многое, что не стоило бы знать в других странах.

Александр Павлович, поговорите о нем с подполковником Шукиным. И вообще, я бы попросил его и вас составить доклад о положении дел в Афганистане и, с учетом вашего опыта, возможные наши действия, чтобы последующие события не коснулись границ Российской империи.

* * *

Вернувшись после беседы с царем к себе домой на Кирочную, Шумилин сел за рабочий стол и открыл ноутбук. На жестком диске находилось немало информации о русской дипломатии первой половины XIX века. Александр решил еще раз внимательно перечитать некоторые документы и воспоминания тех, кто в 1840 году вершил судьбы Евразии.

Но спокойно поработать ему не удалось. Вошедший слуга доложил, что к нему пришел некий господин, который желал бы переговорить с Шумилиным о деле, которое должно его заинтересовать. Слуга протянул Александру визитную карточку гостя. «Мистер Артур Смит, путешественник, член Лондонского географического общества» – было написано на визитке. Шумилин насторожился. Дело в том, что Смитов в Англии было не меньше, чем в России Ивановых, а путешественники чаще всего были одновременно и шпионами. Недаром одним из основателей Лондонского географического общества стал адмирал Бофорт, который одновременно был главой Военно-морского и военного музея – так тогда в Англии нейтрально называли будущий Королевский объединенный институт оборонных исследований. Похоже, что «путешественник» Артур Смит был из «конторы» адмирала Бофорта.

Удивил Шумилина и еще один момент. По его настоянию III отделение должно было ежедневно докладывать ему о появлении в пределах Российской империи иностранцев, особо отмечая подданных британской короны. В полученном вчера вечером донесении от майора Соколова фамилии Смит точно не было. Впрочем, «путешественник» мог прибыть в Петербургский порт сегодня утром. И потому его фамилию могли и не успеть внести в ежедневную рапортничку.

Александр задумался. По идее, он мог через слугу передать мистеру Смигу, что не может его принять, сославшись на плохое самочувствие или занятость. А затем через людей майора Соколова попытаться побольше разузнать о «путешественнике», его связях, и принять соответствующие меры, вплоть до ареста и тайного допроса мистера Смита.

Но Шумилин решил, что это никогда не поздно сделать и незваного гостя все же стоит принять. Естественно, что при этом надо подумать о собственной безопасности. Он достал из ящика стола ПМ и позвал из соседней комнаты Сникерса. Ротвейлер примчался к нему, виляя задом из-за отсутствия хвоста. Он думал, что с ним сейчас пойдут гулять. Но Шумилин погладил пса, шепнув ему на ухо: «Дружище, сначала акции, потом чай – вот поговорим с одним человечком, а потом я с тобой обязательно схожу в Таврический сад». Сникерс понимающе посмотрел на Александра и улегся на коврик рядом с письменным столом.

Приняв все меры предосторожности, Шумилин велел слуге пригласить к нему нежданного визитера.

Мистер Смит оказался нестарым еще человеком, внешне больше похожим на испанца или итальянца, чем на уроженца Туманного Альбиона. Одет он был неброско, но Шумилин

отметил, что материал его сюртука и брюк был весьма качественный, а следовательно, дорогой, трость же сделана из индийского палисандра, а набалдашник позолочен, или целиком изготовлен из золота. Следовательно, «путешественник» был довольно состоятельным человеком.

Представившись, он с интересом стал разглядывать кабинет. Все лишнее было уже убрано, и ничто не могло навести британца на мысль об иновременном происхождении хозяина кабинета.

– Чем могу быть обязан уважаемому члену столь известного географического общества? – поинтересовался Шумилин. – Неужели моя скромная особа известна адмиралу Бофорту и такому прославленному мореплавателю, как адмирал Джон Франклин? Я слышал, что он намеревается отправиться в новое путешествие, чтобы найти наконец этот легендарный Северо-Западный проход из Атлантического в Тихий океан.

– Мистер Шумилин, – англичанин удивленно покачал головой, – вам уже известно о подготовке сэра Джона Франклина к путешествию, о котором в Британии знают немногие. Интересно, откуда у вас эти сведения?

Шумилин лишь развел руками, словно желая сказать: кто сказал – не помню. Одним словом – «стреляли...»

Похоже, что мистер Смит остался удовлетворен предварительным зондажом уровня компетенции своего визави и решил перейти к тому, ради чего он приехал в Россию.

– Мистер Шумилин, – сказал он, – я слышал в Лондоне о вас много удивительного и таинственного. И похоже, что не ошибся. Вы располагаете информацией, которая известна лишь немногим. Или вообще никому еще не известна. Скажите – откуда вы ее получаете?

– А вам не кажется, – Александр с усмешкой посмотрел на своего гостя, – что вы ведете себя несколько неприлично? Зачем вам знать то, что может вас повергнуть в плохое настроение? Ведь, как гласит книга Экклезиаста, во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Британец ступешался. Он не ожидал, что с ним в России, где, как он знал, большинство представителей так называемого высшего общества с почтением относились к европейцам, станут так разговаривать. Люди, которые направили его в Петербург, рассчитывали, что он быстро найдет общий язык с таинственным «тайным советником царя Николая».

– Вам надо пообещать ему ежемесячное содержание, – инструктировал его один из представителей британской правящей элиты перед отправкой в Петербург. – В обещаниях не скупитесь – сколько бы мы ни заплатили этому человеку полновесных гиней, впоследствии все окупится. Если мы с помощью мистера Шумилина сможем влиять на русского царя, то тогда мы будем спать спокойно – Индии и другим британским колониям ничто не будет угрожать.

Информация, которая поступила к нам из русского министерства иностранных дел, а также из других, заслуживающих доверия, источников была весьма тревожной. Похоже, что русский медведь решил на время оставить в покое несчастную Европу и повернуть на Восток свою ужасную морду, видимо, в поисках новой добычи.

И это при том, что военные корабли царя Николая стали применять на море доселе неизвестное оружие и способы ведения боевых действий. Уничтожение нашей эскадры у берегов Норвегии, почти полная блокада Кавказского побережья на Черном море, череда странных смертей в Британии – все это, по нашему мнению, звенья одной цепи.

Мы не сумели в свое время уничтожить или похитить мистера Шумилина. Поэтому надо попробовать его купить. Ведь мы знаем, как легко и просто покупаются русские министры и вельможи. Может быть, и он тоже станет более покладистым, услышав звон золотых монет?

Мистер Смит внимательно посмотрел на сидящего перед ним человека. Ничего в нем особенного нет. Улыбчивый, добродушный, внешне даже простоватый. Только глаза у него были чуть прищурены и смотрели на собеседника так, как смотрит стрелок, выцеливая свою жертву. На мгновение британцу стало неудобно. Он вдруг понял, что вполне вероятно, он может

остаться в этой чертовой России надолго, если не навсегда, и совершить незапланированное путешествие в далекую Сибирь.

– Мистер Смит, – словно прочитав его мысли, произнес Шумилин, – а вам не доводилось путешествовать по северным владениям Российской империи? Поверьте мне – это весьма поучительное и впечатляющее зрелище. Лишь проехав от Петербурга до Охотска, вы сможете понять – насколько велика Россия. Вернувшись на берега Темзы из такого вояжа (если вернетесь, конечно), вы могли бы написать интереснейшую книгу, которую по достоинству оценили бы в вашем географическом обществе.

Британец невольно поежился. Ему, в основном работавшему ранее в Индии, не хотелось оказаться в краях, где снег не таял круглый год, повсюду громоздились льды, а люди, как в каменном веке, кочевали по пустынным прибрежным равнинам со стадами оленей, ночуя в жилищах, сделанных из оленьих шкур.

– Нет, мистер Шумилин, – поспешно ответил гость, – в моих ближайших планах времени на подобное путешествие нет.

– Жаль, очень жаль, – хозяин сокрушенно развел руками. – Я бы мог помочь вам с организацией подобного путешествия.

Что же касается предложения, которое вы намереваетесь передать мне от имени ваших покровителей, то я на него отвечаю категорическим «нет». Деньги меня интересуют мало, а знания, которыми я располагаю, принадлежат России.

Мистеру Смиту вдруг стало нехорошо. Он понял, что этот русский читает его мысли. Как такое может быть?! Он не мог представить, что агентура княгини Ливен даже после ее смерти продолжала работать в Британии, и сообщение о том, что одному из попаданцев – скорее всего, Шумилину – будет предложено за огромные деньги стать проводником британского влияния на русского императора, уже дошло до Петербурга.

– Мистер Смит, – Шумилин встал со стула, и вслед за ним вскочил до того мирно лежавший на коврике Сникерс, – я полагаю, что вы все поняли, а потому я больше не задерживаю вас. Если у вас нет желания совершить путешествие по России, то вы можете на ближайшем торговом судне покинуть Петербург и отправиться домой. Думаю, что вы донесете все мною сказанное до ваших покровителей. Счастливого пути...

* * *

Первым желанием императора, которому Шумилин рассказал о «заморском госте», посетившем его на дому, стало желание загнать наглого островитянина далеко-далеко – туда, куда Макар телят не гонял. Но потом, выслушав внимательно доводы Шумилина, он решил не спешить.

– Вы правы, Александр Павлович, – согласился Николай. – Надеюсь, что вы приставили к нему молодцов из команды майора Соколова. Пусть они узнают все об этом наглеце – как его настоящее имя, как он попал в Россию, и кому он в Петербурге нанесет визиты. Думаю, что, узнав имена его знакомых, мне следует подумать – а так ли нужны эти люди на своих высоких постах? И не пора ли им отправиться на отдых желанный в свои имения.

– Ваше величество, – ответил Шумилин, – я успел отдать команду, и к пальто мистера Смита лакей прицепил «жучка» – устройство, которое будет какое-то время сообщать нам, о чем этот господин будет разговаривать со своими собеседниками. А еще один человек из III отделения, постоянно дежуривший в моем доме, отправился вслед за незванным гостем. Сегодня утром мне принесли донесение, в котором подробно расписан маршрут мистера Смита с его визитами к частным и государственным лицам. Очень любопытный документ. Как говорят у нас, информация к размышлению.

– Вот как, – император заинтересованно поднял брови, – и кто же эти господа?

– Как мы и ожидали, – ответил Шумилин, – это «птенцы гнезда Нессельроде». У Карла Васильевича хватило ума самому лично с британцем не встречаться. Он сказался больным, и слуги его всем посетителем заявляют, что граф никого не принимает.

А вот с дочерью Нессельроде Еленой Карловной, которая замужем за графом Хрептовичем, находящимся в данный момент в Лондоне, где он служит старшим секретарем нашего посольства, этот мистер Смит виделся. И разговоры они вели далеко не светские. Если, ваше величество, вы желаете перечитать стенограмму их разговора, то я ее предоставлю вам сегодня же.

Николай недовольно поморщился. Хотя он и понимал всю полезность работы сотрудников III отделения, но в душе испытывал чувство неловкости, словно подслушивал тайком чужой разговор.

– Нет, Александр Павлович, – сказал император, – вы мне лучше расскажите об их разговоре своими словами – о чем беседовали графиня Хрептович и ваш незванный визитер.

– Суть разговора, ваше величество, – ухмыльнулся Шумилин, – сводится к тому, что порядочные и уважаемые люди должны приложить все усилия к тому, чтобы удалить подальше от вашего двора авантюристов и злодеев, которые неизвестно откуда появились, и настраивают государя против верных слуг трона. В данном случае под верными слугами трона подразумеваются граф Нессельроде и его верные клеветы в Министерстве иностранных дел.

Император нахмурился. Шумилин коснулся предмета, к которому он был весьма чувствителен. А именно – сомнения в его способности самому управлять государством и принимать самостоятельные решения. Николай считал себя человеком, по Божьему предначертанию поставленным во главе России. И если после знакомства с будущим он вполне адекватно относился к советам, которые давали ему люди XXI века, то от своих подданных вмешательств в государственные дела он не терпел.

– Значит, Александр Павлович, вы говорите, что эти «слуги трона» желают удалить вас от моего двора? А не лучше ли будет удалить от двора их самих? Впрочем, продолжайте – мне любопытно будет узнать, о чем они далее так мило беседовали.

– Ваше величество, – сказал Шумилин, – если бы только речь шла об обычных придворных интригах, когда вельможи пытаются оттеснить друг друга от самодержца и используют в таких случаях сплетни и клевету, то в этом я не вижу ничего страшного. Подобное происходит везде и во все времена. Сказать честно, и в нашем будущем власти предрекающие иногда стараются подставить ногу своему конкуренту.

Плохо другое. В борьбе за влияние на внутреннюю и внешнюю политику России они прибегают к помощи иностранных государств, которые не испытывают добрых чувств к нашей стране. В данном случае я вижу связь между отправленным в отставку графом Нессельроде, его дочерью, ее мужем и людьми из британских правящих кругов, которые через них пытаются повлиять на настроение петербургского высшего света. Вы понимаете, насколько это опасно?

Николай молча кивнул. Он прекрасно знал, чем закончилось нечто похожее в марте 1801 года, когда на британские деньги был организован заговор, закончившийся убийством в Михайловском замке его отца – императора Павла I.

– Знаете, Александр Павлович, – с грустью сказал он, – порой я даже жалею о том, что вы открыли мне глаза на наше будущее. Лучше бы мне всего этого не знать. Правильно говорится в Книге Экклезиаста: во многой мудрости много печали. А с другой стороны...

– А с другой стороны, – ответил Шумилин задумавшемуся императору, – как написано в Евангелии от апостола Матфея, «Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя».

– Аминь, – сказал Николай и перекрестился. – Я все понял, Александр Павлович. Если Господь взвалил на меня этот крест, то я должен нести его до самой Голгофы.

– Именно так, ваше величество. – Шумилину стало немного даже жалко этого сильного и мужественного человека, который после пятнадцати лет правления вдруг понял, что многое из того, что он до этого времени делал, оказалось напрасным. – Вы можете рассчитывать на нашу помощь. Эта помощь будет не только моя и моих друзей, но и помощь нашего государства.

Впрочем, вы уже успели убедиться, что помощь и поддержка, которую вам обещали руководители нашего государства, вполне реальны. Мы смогли принять меры и ограничить поступление мятежным горцам оружия и боеприпасов. И если судить по поступившим с Кавказа боевым донесениям, сопротивление их значительно ослабло. А что касается происков британцев...

Шумилин неожиданно улыбнулся:

– Ваше величество, скоро мы будем иметь счастье лицезреть мистера Шекспира.

Увидев недоумение на лице императора, он пояснил:

– Именно Шекспира, только не Вильяма нашего, а Ричмонда. Именно такую фамилию носит один британский разведчик, который, впрочем, тоже выдает себя за путешественника. Этот лейтенант был направлен в Хиву, якобы для поиска другого британского шпиона, Джеймса Эббота. Он должен был уговорить хивинского хана Аллакула стать союзником британцев – то есть вассалом – и сподвигнуть его на войну с Бухарой, хан которой в настоящий момент лоялен в отношении Российской империи.

– И что делает этот самый Шекспир в наших пределах? – поинтересовался Николай.

– То же самое, что он делал в Хиве, – ответил Шумилин. – Шпионит и старается поставить себе в заслугу освобождение наших людей, захваченных кочевниками и находившихся в неволе у хивинцев. После похода генерала Перовского – пусть и неудачного – Аллакул все же струхнул и приказал освободить русских рабов и отправить их в Оренбург. А этот Шекспир, видимо, обладая фантазией и воображением своего предка, заявляет, что их освобождение – дело его рук. Дескать, он сумел уговорить хивинского хана отпустить на волю русских невольников.

– А что, этот самый Шекспир нашел второго шпиона, как его – Эббота, в поисках которого он якобы оказался в Хиве?

– Нет, ваше величество. Джеймс Эббот был встречен в Хиве с подозрением, едва не попал в зиндан, и бежал в Россию. Сейчас его из Оренбурга отправили в Петербург. Возможно, что скоро он будет здесь.

Нам сообщили, что с Эбботом по дороге встретился следовавший в Оренбург Леонтий Васильевич Дубельт. Они о чем-то долго беседовали, но о чем именно – узнать не удалось.

– Опять этот Дубельт, – задумчиво произнес император. – Знаете, Александр Павлович, я теперь и сам не рад, что отослал его в Оренбург. Пожалуй, здесь, в Петербурге, он был бы на виду у людей майора Соколова. Надо отправить кого-то в Оренбург из числа тех, кому можно полностью доверять. Я попрошу вас подумать над этим...

Приглашение к путешествию

Виктор Иванович Сергеев готовился к отъезду тщательно, не упуская ни одной мелочи. За свою долгую службу, сначала в советской, а потом и в российской армии, он немало помогался по дальним гарнизонам. Ведь офицер мог в любой момент по решению командования отправиться к новому месту службы, а то и в зарубежную командировку, откуда мог вернуться в виде «груза 200». Только в этот раз отставному майору было почему-то нелегко оставить поместье, где он хотя и прожил всего-то ничего, но уже успел прикипеть к нему душой. Виктору Ивановичу нравились местные крестьяне, так непохожие на тех, которых киношники обычно изображали в фильмах, рассказывающих о жизни «русского села» во времена крепостного права. Это были работящие и умные мужики, отнюдь не забитые и запуганные.

Сергеев решил взять с собой в Калифорнию несколько человек, чтобы, во-первых, всегда иметь под рукой тех, на кого можно положиться в трудную минуту, и во-вторых, тех, кто смог бы начать за океаном свое дело, став русскими промышленниками и предпринимателями в Новом Свете. Если эмигранты из Европы смогли в Америке стать миллионерами, то почему бы и русским не сделаться новыми Третьяковыми и Морозовыми? Сергеев обещал дать деньги для начала собственного дела двум своим крестьянам, которые отличались деловой хваткой и трудолюбием. Естественно, что всем отправившимся с ним он обещал вольную.

А пока будущий губернатор Калифорнии (а может, и других русских губерний в Новом Свете) занимался составлением длинного списка всего самого необходимого, того, что понадобится ему в Америке. Он обложился справочниками, то и дело заглядывал в ноутбук, куда было забито много информации по сельскому хозяйству, истории, этнографии и горному делу. Время от времени он собирал у себя в доме будущих переселенцев и, не чинясь, спрашивал у них совета. Мужики неторопливо и тщательно обсуждали предложения своего барина, порой не соглашались с ним и говорили, в чем он был неправ.

Сергеев получил от императора полный карт-бланш на все свои начинания. Николай подготовил именной указ об отзыве в Россию нынешнего управителя крепости Росс Александра Гавриловича Ротчева. Кроме того, Виктор Иванович получил бумагу, подписанную императором, которая давала ему право вести с местными мексиканскими властями любые переговоры о закреплении территории, занимаемой в данный момент русскими, и, если переговоры паче чаяния пойдут удачно, попытаться расширить границы Русской Калифорнии.

Сергеев имел опыт общения с жуликоватыми чиновниками в России и посчитал, что тамошние мексиканские взяточники мало чем отличаются от российских образца первой половины XXI века. Нужно было только знать – кому и сколько дать. С этим Виктору Ивановичу предстояло разобраться на месте.

Прежде чем отправиться с новоселами и имуществом в Калифорнию, Сергеев решил провести что-то вроде личной рекогносцировки. Он хотел отправиться через портал с личной охраной в район крепости Росс и своими глазами увидеть, как там обстоят дела. По своему опыту он знал, что красиво расписанное в разных отчетах и донесениях порой мало похоже на то, что происходит в действительности.

Император попытался было отговорить своего будущего родственника от такого рискованного поступка.

– Виктор Иванович, – Николай осуждающе покачал головой, – я считаю ваше решение опрометчивым. Я понимаю, что вы храбрый человек, но может быть, вам следует немного отдохнуть, вооружить и как следует обучить вашу «гвардию», и только тогда отправиться с ними в крепость Росс.

– Ваше величество, – Сергеев улыбнулся императору и пригладил свои седоватые усы, – я обещаю вам, что не буду лезть на рожон и постараюсь провести рекогносцировку с максималь-

ной осторожностью. К тому же я отправлюсь в Калифорнию с опытными и прекрасно подготовленными бойцами, которые сумеют обезопасить мое пребывание в тех местах.

Я планирую отправиться в окрестности крепости Росс на бронированном автомобиле «Тигр», который защищает людей, находящихся внутри его, от стрел индейцев и мушкетных пуль бледнолицых разбойников. Моя поездка займет всего пару дней.

Ваше величество, вы должны меня понять – я обязан лично все увидеть и оценить возможности территории, которой мне предстоит управлять. В таких вещах мелочей не бывает. Если я что-то не учту или что-то забуду, то спрос будет с меня. Ведь там как в армии – командир должен не только отдавать приказы, но и нести ответственность за состояние дел во вверенном ему гарнизоне. Или я не прав, ваше величество?

Сергеев знал, что Николай обожает армейские порядки. И он решил сыграть на симпатиях императора. Он не ошибся – самодержец пожал плечами, а потом махнул рукой.

– Хорошо, Виктор Иванович, ваша взяла. Пусть будет так, как вы решили. Только помните – вы обещали мне, что будете осторожны и не станете искать приключения. Я знаю, что вы человек слова, и поэтому полностью вам доверяю.

Подполковник Щукин морали Сергею читать не стал. Он лишь пробурчал себе под нос про «стариков-разбойников», которым все нейдет, но видимо, вспомнив, что по годам он и сам недалеко ушел от отставного майора, больше на эту тему не распространялся, а стал уточнять подробности предполагаемого путешествия и давать советы, причем довольно толковые. Заодно он сообщил Сергею, что бойцы для его сопровождения уже озадачены и в течение суток будут готовы к перелету в Петропавловск-Камчатский, откуда через портал попадут в Калифорнию XIX века.

– Только ты, Иваныч, – сказал Щукин, – захвати и кого-нибудь из местных. Ну, хотя бы того же Никифора Волкова. Ему там станичную службу налаживать. Со временем, возможно, он станет первым атаманом Калифорнийского казачьего войска.

Щукин рассмеялся и похлопал Сергея по плечу.

– Эх, как жаль, что я не могу отправиться с тобою. Помню, как в детстве кино смотрел с Гойко Митичем про индейцев. «Сыновья Большой Медведицы», «След Сокола», «Чингачук Большой Змей». Как мне хотелось тогда промчатся на мустанге, помахать томагавком! Только смотри, Иваныч, как бы тебе там скальпа не лишиться... Ты человек хороший, только для индейцев ты будешь одним из бледнолицых, которые являются самыми страшными врагами краснокожих.

– Так у меня и снимать-то вроде нечего, – попробовал отшутиться Сергей, проведя рукой по лысой голове с реликтовыми остатками шевелюры. – Ну, а про тамошних индейцев я уже кое-что почитал. Конечно, это не ирокезы или команчи, которые чуть что – сразу вступают на «тропу войны». Русские в Калифорнии живут, в общем-то, с индейцами кашая мирно, но порой все же случаются эксцессы, чаще всего чисто уголовные.

– В общем, Иваныч, – Щукин подвел итог этому разговору, – послезавтра готовься – через портал ты отправишься в наше время, там я познакомлю тебя со старшим бойцов из нашей группы обеспечения, и – вперед. Все, что нужно будет тебе для путешествия, найдешь на нашей новой точке в Петропавловске. А далее...

Щукин развел руками, показывая, что за все остальное он ответственности не несет.

– А все-таки, Иваныч, я тебе завидую, – сказал подполковник. – Как только появится возможность – обязательно прилечу к тебе в Калифорнию. И, возможно, не один. Но об этом пока молчок. Договорились?

Сергеев кивнул, прикидывая – не *сам* ли решит совершить путешествие в Русскую Америку. А что, он может – обожает товарищ Верховный Главнокомандующий всякие приключения – чего-чего, а это за ним водится...

* * *

Путешествие в Русскую Америку началось ранним утром. Сразу после первых петухов, на Черной речке – там, где обычно открывался портал, собрались те, кто должен был отправиться на свое новое место жительства.

Это был сам Сергеев-старший и десяток казаков с хорунжим Никифором Волковым. Они должны были сопровождать будущего губернатора Русской Калифорнии к месту назначения и вместе с «мышками», которые уже ждали в Петербурге XXI века, отправиться на Камчатку, откуда через открытый там портал перейти в окрестности крепости Росс. Машина времени была установлена в Вилучинске, в секретном ангаре. Там, на базе атомных подводных лодок, по легенде, располагалась «секретная лаборатория, курируемая ФСБ, занимающаяся работами, связанными со СТЕЛС-программой». Якобы там велись секретные разработки, делающие надводные и подводные корабли абсолютно невидимыми для радиолокаторов, гидрофонов и спутников-шпионов.

Легенда выглядела вполне правдоподобной, и с ее помощью легко можно было объяснить всем любопытным, отчего и куда исчезают, а затем снова появляются пограничные катера ФСБ, с недавних пор базировавшиеся неподалеку от ангара. Свечение портала и всплески электромагнитного излучения при его открытии и закрытии можно было списать на «сверхсекретные опыты», проводимые в рамках программы СТЕЛС.

Командование базы было поставлено в известность о том, что этот проект курирует лично *сам*, и потому не стоит проявлять излишнее любопытство.

А пока же хронопутешественники, кроме, естественно, Сергеева, получили инструктаж, который вкратце сводился к следующему: ничего не бояться, ничему не удивляться и беспрекословно слушаться господина надворного советника. Хорунжий Никифор Волков, который уже успел кое-что повидать, общаясь с гостями из будущего, понимающе переглядывался с Сергеевым. Он немного робел, но старался этого не показывать.

И вот, наконец, в воздухе появилась светящаяся изумрудная точка, которая постепенно стала увеличиваться, превращаясь в окно в будущее.

– Ну что, друзья, с Богом, – произнес Сергеев и, приглашающе махнув рукой остолевшим от удивления казакам, шагнул в полумрак ангара.

– Станичники, да вы что, никак оробели?! – прикрикнул на своих подчиненных хорунжий Волков. Он тайком перекрестился и вслед за Сергеевым отправился в XXI век. Немного помявшись, через пульсирующий овал прошли и остальные казаки. Сбившись в кучку в глубине ангара, они озирались, оглядывая железные стены и мигающую огоньками непонятную машину, стоявшую в центре помещения.

Вскоре портал закрылся, свечение потухло, а из-за пульта управления машиной времени встал Антон Воронин, подошел к Сергееву и крепко его обнял.

– С прибытием, Иваныч, – сказал он, – наконец-то ты покинул свое сельцо и выбрался к нам в Питер. Отвык ты, наверное, от нашей суетной жизни?

Потом Антон подошел к Волкову, поздоровался с ним, велел построить казаков у стены и сообщил им, что сейчас подойдут люди, которые принесут для них обмундирование и снаряжение.

– Никифор, ты пойми меня правильно, – объяснил он хорунжему, – в вашей форме вы будете выглядеть здесь как белые вороны. Но вашу старую форму никто не заберет – вы уложите ее в мешки и захватите с собой. В Калифорнии она будет в самый раз. Хотя я готов побиться об заклад – наше обмундирование вам очень понравится.

В ангар вошли крепкие ребята в камуфляжной форме, волокущие большие брезентовые мешки с обмундированием для гостей из прошлого. Они с любопытством смотрели на казаков, а те – на них.

– Станишники, – произнес один из «мышек», – давайте знакомиться. Я старший группы, которая будет сопровождать господина Сергеева. Зовут меня Романом Викторовичем, фамилия моя Мальцев, а звание – капитан. Моим заместителем во время нашего похода будет хорунжий Волков. Никифор, как тебя по батюшке?

– Григорьевичем, господин капитан, – ответил Волков. – А вы, простите, не из казаков будете? Уж больно говор ваш на наш похож.

– Угадал, Григорьич, – улыбнулся Мальцев. – Из кубанских казаков я буду, из станицы Кореновской. Знаешь такую?

– Слышал, – кивнул Никифор. – Значит, будем вместе служить? А вы-то сами были там, куда нам придется отправиться?

– Нет, не был, – Мальцев посмотрел на внимательно слушавших его казаков, – Скажу только, что это земли Российской империи. И служить мы там будем государю-императору Николаю Павловичу, которому вы давали присягу. Землица та находится далеко, но она нашенская, надо будет ее осваивать и защищать от тех, кто нападает на русских, живущих там, и пытается выгнать их. Вам это понятно?

– Так точно, господин капитан, – ответил ему за всех Никифор Волков. – Это дело нам знакомо. Казаки всегда несли службу государеву на границе. Так было и так будет всегда.

– Ну, вот и отлично, – капитан Мальцев кивнул в сторону сложенных в углу ангара мешков с обмундированием. – Подходите по одному, получайте все, что вам положено, а мои ребята помогут вам разобраться, что к чему...

Переобмундированные в камуфляжную «цифру» казаки смотрелись смешно – как «партизаны», призванные на учебные сборы. Они еще не успели оценить все удобство новой формы. К тому же пашки и кинжалы у них на боку смотрелись несколько архаично.

Потом всех вывели из ангара и усадили в автобус с зашторенными окнами. Казаки уселись на сиденья и с интересом стали ждать – что будет дальше. А дальше была поездка по улицам Петербурга XXI века. По прибытии в аэропорт всех погрузили в уже готовый к вылету «борт». Самолет развернулся, вырулил на ВПП и, взревев двигателями, пошел на взлет.

Вот тут казачки струхнули не на шутку. Кто-то крестился, кто-то шепотом молился. Никифор сидел в кресле с каменно-бледным лицом и невпопад отвечал на вопросы, которые задавал ему капитан Мальцев.

Однако вскоре казаки освоились, начали подшучивать друг над другом и с любопытством смотреть в иллюминатор. Правда, самолет к тому времени уже поднялся на приличную высоту, и видно было за бортом лишь синее-синее небо, яркое солнце и белые пушистые облака.

– Господин капитан, – спросил Никифор Мальцева, – мы что, так и до самого солнца сможем долететь?

– Нет, Никифор, до солнца долететь на самолете невозможно, – улыбаясь, ответил капитан. – И вообще, светило наше далеко, и до него надо лететь много-много лет. А до Камчатки нам придется лететь часов девять. Если же добираться туда посуху, то и несколько месяцев было бы мало.

– Это я понимаю, – кивнул головой хорунжий. – Ваша крылатая машина может и весь мир по кругу облететь.

– Может, – ответил Мальцев. – Только ей придется садиться, чтобы заправиться горючим. Ну, это как лошади дать отдохнуть и овса задать.

Так что ты скажи своим орлам, чтобы они отдыхали. Скоро нас накормят – ведь вы с утра не евши. А прилетим на Камчатку, сразу будем готовиться к отправке в Калифорнию. Вот там нам придется все время держать ухо востро. Неизвестно, как нас там еще встретит

тамошнее начальство. Правда, у Виктора Ивановича есть грозная бумага, подписанная самим государем-императором.

А пока, если хочешь, пойдем вдвоем потолкуем о том, как мы будем жить-поживать в этой самой Калифорнии. Видишь, Виктор Иванович сидит один, скучает. Ему-то такие перелеты – обычное дело. Он за свою жизнь налетался.

Мальцев и Волков подсели к Сергееву. Тот кивнул им и с улыбкой спросил:

– Ну, что, ребята, с чего начнем освоение Америки?

* * *

Когда Виктор Сергеев отбыл в Калифорнию, Шумилину стало как-то совсем некомфортно и тоскливо. Он давно был знаком с этим неунывающим воякой, который никогда не терял присутствия духа и умел хранить спокойствие даже в самых сложных ситуациях. Как он там, в Америке, справится с реалиями XIX века? Ведь Иваныч даже не представляет, как ему там будет сложно.

Испанское владычество в тех забытых богом краях закончилось еще в 1821 году, когда Мексиканская республика победила Испанию в войне за независимость, и земли Калифорнии, так же как и нынешних американских штатов Аризона, Невада, Юта и, частично, Колорадо и Вайоминга, вошли в состав мексиканской провинции Верхняя Калифорния.

Правда, в самой Мексике еще долго кипели страсти. Освободившаяся от власти испанской короны страна даже успела провозгласить своего императора – Агустина I – бывшего полковника испанской армии Агустина де Итурбиде-и-Арамбуру. Правда, поцарствовать ему удалось недолго – с 1822 по 1823 год. Свежеиспеченного императора спешно отстранили от власти и выслали из Мексики в Европу, запретив возвращаться назад. Но низложенный монарх решил попытать счастья и на следующий год все же вернулся на родину, где его арестовали и расстреляли.

Демократия восторжествовала, и начался обычный латиноамериканский бардак, когда любой более-менее популярный среди солдат генерал пытался захватить власть в стране. Пользуясь неразберихой, соседи Мексики при случае старались замутить очередной мятеж, отхватывая от ее территории лакомые кусочки.

Первыми это сделали американцы, давно уже поселившиеся в Техасе. Из населения этого штата к середине 30-х годов XIX века около 30 тысяч человек были выходцами из САСШ, в то время как самих мексиканцев там оказалось всего 7800 человек. В 1835 году американцы подняли в Техасе восстание и, после того как разбили несколько отрядов регулярной мексиканской армии, предводитель восстания Стивен Остин провозгласил независимость Техаса.

Мексиканский диктатор генерал Антонио Лопес де Санта-Анна лично отправился со всей своей «могучей» армией в две с половиной тысячи солдат вразумлять «неразумных техасцев». Но те воевали очень даже неплохо, и после нескольких побед генерал Санта-Анна потерпел сокрушительное поражение при Сан-Хасинто и попал в плен к техасцам. Он вынужден был в 1836 году признать независимость Техаса. Первым президентом его стал Сэм Хьюстон.

Как республика Техас просуществовал почти десять лет. Он даже успел получить признание от некоторых государств Европы, но в 1845 году САСШ присоединили ее к себе. Но это было в истории Виктора Сергеева. А как будут развиваться события в этом варианте истории, еще было неясно.

Уроки войны с Техасом ничему не научили мексиканское руководство. Президенты в стране менялись как перчатки. В настоящий момент, после в очередной раз свергнутого генерала Санта-Анна, который, несмотря на поражение в Техасской войне, без излишней скромности именовал себя Спасителем Родины и Наполеоном Запада, в Мексике правил Анастасио Бустаманте. Точнее, он считал, что правил, что было не совсем верно. Осенью 1840 года сеньор

Анастасио пустился в бега после того, как мятежный генерал де Урреа напал на президентский дворец в Мехико. Бустаманте тайком удрал из своей резиденции в сопровождении конвоя – двадцати восьми драгун.

В общем, власти в Мексике в настоящий момент не существовало, и обо всем Виктору Сергееву придется договариваться с губернатором Верхней Калифорнии, который мало уделял внимания событиям в Мехико, часто узнавая о свержении очередного президента лишь через несколько недель после *пронунсиаменто*⁴.

К 1840 году мексиканское правительство успело принять закон, по которому все, родившиеся не на территории Мексики, были объявлены нелегальными иммигрантами и подлежали депортации из страны. Количество испанцев в Калифорнии резко уменьшилось. В настоящее время их осталось не более десяти тысяч человек, живущих в основном на крупных ранчо.

Кроме того, имущество католических миссий в Калифорнии – влиятельных и богатых – объявили принадлежащим Мексиканскому государству. Большинство францисканцев были вынуждены покинуть Калифорнию, а многие миссии были разрушены. Индейцы же, находившиеся при этих миссиях на положении рабов, стали лично свободными.

Вот в такой неразберихе и придется работать Виктору Сергееву. С одной стороны, отсутствие твердой и постоянной власти в стране давало определенный простор для политического маневра. С другой стороны, подобная анархия порождала произвол местных начальников, возомнивших себя пупом земли и плевавших на все ранее принятые договоренности и соглашения. К тому же, пользуясь слабостью властей, в Калифорнии расплодилось множество *шаек буйхэдеров*, а если говорить проще – разбойников с большой дороги.

Шумилин тяжело вздохнул. Его другу придется нелегко на новом месте. Надо будет потопить императора, чтобы тот поспешил с заселением земель в Калифорнии русскими крестьянами и мастеровыми. У Александра на этот счет уже состоялся разговор с самодержцем. Поначалу Николай традиционно посетовал на нехватку людей, которых можно было бы отправить в Русскую Америку.

– Ума не приложу, Александр Павлович, – вздохнул он, – как мне быть. Людей нет даже для того, чтобы заселить Сибирь. Мы отправляем туда каторжников и ссыльных, но для того, чтобы они не разбежались, или еще хуже, не взбунтовались, надо держать там стражников и чиновников тюремного ведомства. Толку же и от тех, и от других мало.

– Ваше величество, – ответил Шумилин, – а не послать ли нам туда солдат? Точнее, не солдат, а рекрутов. Ведь, слава богу, России воевать в ближайшее время не с кем. И вместо того, чтобы содержать большую армию, не лучше ли будет отправить рекрутов в Америку? Причем не одних, а вместе с их семьями. Ведь многие из новобранцев уже успели найти себе невесту или жениться и завести семью. Такие переселенцы быстрее пустят корни на новом месте и не будут думать о том, как бы сбежать оттуда. А если кто отправится туда без жен – так это не беда. Они оженятся на индианках или креолках и тем крепче вратут в ту землю. Рекрутам же следует объяснить, что освоение новых земель – это тоже служба государева, только не с ружьем, а с плугом.

– Это что ж получается, Александр Павлович, вы их кем-то вроде кантонистов хотите сделать? – озадаченно спросил император.

– Нет, ваше величество, это будет, скорее, нечто вроде колонистов, – ответил Шумилин. – Поселенцам объявят, что, прожив на новом месте три года, они станут вольными людьми, и им будет выделена земля, которая перейдет по наследству их детям.

А ведь земли вокруг крепости Росс воистину райские – живущие там выращивают пшеницу, овощи и фрукты – персики и виноград. Да и мастерские там есть – ремесленники из крепости Росс изготавливают бочки, мебель и телеги, а на верфи построили корабли (несколько

⁴ *Пронунсиаменто* – вооруженный переворот, мятеж (исп.).

штук они даже продали испанцам). Так что для тех, кто хочет обзавестись хозяйством или начать свое дело, появится возможность осуществить свою мечту.

– Да, но как отнесутся власти Мексики к тому, что мы, не спросив у них на то дозволения, занимаем их земли? – поинтересовался Николай. – Не вызовет ли это войну? А ведь у нас там нет ни одного солдата – как я слышал, крепость Росс и прилегающие к ней территории охраняют вооруженные колонисты.

– Я думаю, что войны не будет, – улыбнулся Шумилин. – Во-первых, Калифорния для властей Мексики – это что-то вроде нашей Сибири. Глухомань безлюдная, от которой лишь одна головная боль. К тому же и воевать там просто некому. Местные вооруженные силы – это пара сотен ветеранов, которые уже позабыли, когда им последний раз платили жалованье. А если предложить мексиканским властям хорошее отступное за то, что они официально передадут нам часть Верхней Калифорнии, то до войны точно дело не дойдет.

– А как вы собираетесь переправить туда поселенцев? – спросил император. – Если морем, то это займет много времени, да и народ туда поедет больше сухопутный, не привыкший к дальним морским походам. Бог знает, сколько людей помрет от болезней. Если же отправить их посуху, через всю Сибирь, то это будет еще хуже. Ведь их в пути надо кормить, надо обеспечить их ночлегом, с собой они должны везти все, что им нужно будет на первое время. Нет, Александр Павлович, это будет почище хождения Моисея по пустыне Синайской. Я на такое согласиться не могу.

– Ваше величество, – улыбнулся Шумилин, – вы правы, и путешествие по морю и посуху весьма опасно и трудно для людей. Но ведь можно отправить поселенцев в Калифорнию через портал. Естественно, небольшими партиями, раз в сутки человек по пятьдесят – сто. За месяц это будет уже несколько тысяч. Немного? Ну, это как считать. По тем понятиям – очень даже много. Достаточно сказать, что сейчас в Калифорнии живет не более десяти тысяч человек, не считая, конечно, индейцев.

– Значит, Александр Павлович, вы предлагаете отправить их в будущее, а потом как?

– А потом на военно-транспортном самолете доставить на Камчатку, а оттуда через портал в Калифорнию. И займет это путешествие пару дней, а не месяцы или годы. Таким же образом мы сможем доставить для них продовольствие на первое время, инструменты, оружие, словом, все, что будет нужно для обустройства. Дадим семян для посева и плуги для вспашки. А потом, как люди немного пооботрут, дойдет дело и до тракторов, а также магазинных винтовок для самообороны. Словом, не обидим своих предков.

Один русский с винтовкой Мосина стоит десятка мексиканских солдат, если не больше. Как-никак поселенцы будут защищать уже свое, а в этом случае к нашему мужику лучше не подходить. Зашибет, как французов в Отечественную войну 1812 года. А если что, то и наши люди тоже помогут, так что за безопасность нашей колонии в Калифорнии можете не беспокоиться, тем более что там не будет и врагов, способных им серьезно угрожать.

– Это совсем другое дело, – обрадовался император. – Давайте, подготовьте для меня записку о заселении Калифорнии. Я же напишу указ, и начнем заселять новые земли России.

* * *

В Петербурге после Покрова⁵ выпал снег, который, правда, вскоре растаял. Началась гнилая питерская осень, которая навеивает тоску и уныние даже на привыкших к климату Северной Пальмиры коренных жителей города на Неве.

Вот как писал о погоде в Санкт-Петербурге поэт Николай Некрасов:

⁵ Покров Пресвятой Богородицы – церковный праздник, отмечаемый 1 октября по старому стилю.

Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, тёмный и грязный.
Ах, ещё бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слёзы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берёт, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз...

Алексея Кузнецова, который уже окончательно перебрался в прошлое, погода интересовала с чисто практической точки зрения. Он хорошо знал, что осень – самая простудная пора в Питере. Грипп, именуемый в XIX веке инфлюэнцей, ОРЗ и прочие нехорошие заболевания особо досаждают в это время местным жителям, причем болеют ими одинаково часто как обитатели петербургских трущоб, так и те, кто живет в роскошных особняках и даже дворцах.

Медик из XXI века уже успел стать личным эскулапом царя и всего его августейшего семейства. Для этого пришлось вежливо выпроводить из Зимнего дворца старого лейб-медика Мартына Мандта. Сделать это было не так уж просто – этот надменный пруссак пользовался большим влиянием на членов императорской фамилии. Николаю пришлось выдержать отчаянный натиск своих родственников, которые наперебой осаждали самодержца, стараясь убедить того, что он совершает огромную ошибку, удаляя из Зимнего дворца такого «чудо-доктора».

Но спорить с Николаем, особенно если тот убежден в правильности своего решения, было абсолютно бесполезно. И Мартин Вильгельм фон Мандт, успевший сколотить в России немалый капитал, вскоре уехал в родной Вейенбург.

С его отъездом с облегчением вздохнули русские медики, которых упорно, можно сказать с особым сладострастием, третировал Мандт. А Кузнецов отправил письмо в Дерптский университет, где преподавал теоретическую и практическую хирургию тридцатилетний доктор медицинских наук Николай Иванович Пирогов. В этом письме он приглашал будущее светило русской медицины перебраться в Петербург, пообещав ему кафедру хирургии в Медико-хирургической академии. В реальной истории Пирогов займет это место в будущем, 1841 году.

Пока же, после того как Мандт навсегда распрощался со своими августейшими пациентами, Алексей провел тотальную диспансеризацию всей царской семьи. Для этого из будущего он привез всю необходимую диагностическую аппаратуру и уговорил двух знакомых медиков отправиться в прошлое. Один из них был хорошим практиком-терапевтом, вторая же – опытным акушером. Дело в том, что дамы из царской семьи часто умирали при родах, и потому, чтобы уменьшить количество летальных исходов, необходим был опытный врач по женской части. Все они прошли соответствующую проверку в «компетентных органах», дали подписку о неразглашении, после чего познакомились с действием портала.

Диспансеризация прошла не без скандалов – некоторые из Романовых не желали, чтобы их осматривали в неглиже какие-то неизвестные лекари (а женщина-врач по тем временам вообще считалась нонсенсом!), которые – о ужас! – даже не знали французского языка и едва могли изъясняться по-английски. Кузнецову снова пришлось воспользоваться «административным ресурсом», и после отеческого увещевания самодержца его родственники все же прошли обследование, сдали необходимые анализы, им сделали флюорографию – словом, недели через две на каждого из царского семейства завели персональную карту. Алексей, тщательно изучив катамнез⁶ своих пациентов, сделал для себя соответствующую пометку.

⁶ Катамнез – вся медицинская информация о пациенте, собираемая однократно или многократно по окончании первичного наблюдения над ним.

В отдельный – «красный» список – попали те члены царской семьи, кто в нашей истории страдал хроническими заболеваниями или скоропостижно скончался от инфаркта или инсульта. За ними Кузнецов решил установить особый контроль.

А пока, во избежание простудных заболеваний, он проводил профилактические мероприятия. Кстати, после того как Кузнецов довольно успешно вылечил нескольких приближенных царя, число желающих прибегнуть к его помощи резко возросло. Особенно стала благоволить к Алексею великая княгиня Елена Павловна, супруга младшего брата царя Михаила Павловича. Ее старшая дочь, пятнадцатилетняя Мария Михайловна, отличалась слабым здоровьем и хрупким телосложением. Кузнецов знал из истории, что эта умная и начитанная девушка умрет от чахотки в возрасте двадцати одного года.

Учитывая, что из пятерых дочерей Елены Павловны выживет и, выйдя замуж, обзаведется потомством лишь одна, как и то, что две дочери великой княгини уже умерли в малолетстве, Алексей решил сделать все, чтобы первая и самая любимая дочь великокняжеской четы выздоровела.

Он откровенно побеседовал с Еленой Павловной, рассказал ей о том, как излечилась от своего недуга Адина, и пообещал великой княгине спасти от смертельной болезни Марию Михайловну. Император в приватной беседе с Еленой Павловной, которую он очень уважал за ее ум и знания и в шутку называл *le savant de famille* («ум нашей семьи»), подтвердил рассказ своего нового лейб-медика.

Так у Алексея появился еще один влиятельный покровитель – с мнением великой княгини Елены Павловны в Петербурге считались многие.

Сейчас, с согласия императора, он с помощью своей помощницы, Натальи Васиной, проводил вакцинацию царской фамилии от гриппа. Сам император и великая княгиня Елена Павловна провели соответствующую разъяснительную работу среди Романовых, и великие князья, княгини и княжны покорно подставляли под уколы свои предплечья. Вакцина была универсальной, специально изготовленной в питерском Институте гриппа.

Ветераны-медики – Николай Федорович Арендт и Яков Васильевич Виллие – неодобрительно поглядывали на бурную деятельность, которую развил новый лейб-медик императора, но предусмотрительно помалкивали, помня печальную судьбу Мартына Мандта.

Впрочем, Кузнецов относился к своим коллегам с большим уважением, помня об их немалых заслугах перед Россией. Старикам это было приятно, и со временем, убедившись, что новые методы лечения, предложенные Кузнецовым, показывают высокую эффективность, они сменили гнев на милость и перестали ворчать и поругивать втихаря «этого выскочку, появившегося неизвестно откуда».

Повстречал Алексей и Илью Буяльского, который в данный момент трудился в Императорской Медико-хирургической академии и Академии художеств. Один из ведущих русских хирургов заинтересовался некоторыми инструментами, которыми пользовался Кузнецов во время операций, и попросил разрешения изготовить их копии на Хирургическом инструментальном заводе, где Илья Васильевич с 1829 года занимал должность управляющего. Алексей презентовал Буяльскому набор инструментов, правда, взяв предварительно с него слово, что тот не будет передавать их третьим лицам. Ему не хотелось, чтобы шустрые иностранцы скопировали эти инструменты, а потом втридорога продавали их русским медикам.

В общем, работы у нового лейб-медика императора было много. Он изредка виделся со своим одноклассником Шуриком Шумилиным, чтобы обсудить кое-какие вопросы, в которых тот, ставший уже опытным царедворцем, разбирался лучше него. Сегодня вроде бы после обеда в делах было «окно», и Алексей решил посидеть с другом за «рюмкой чая» и поговорить за жизнь...

* * *

Шумилин сидел за письменным столом в своем кабинете на Кирочной и вдумчиво изучал какие-то бумаги. Сникерс, приветливо виляя задом, подбежал к Кузнецову и, обнюхав его, ткнулся холодным носом в его ладонь.

– Привет, собакевич, – Алексей почесал за ухом пса, – как ты насчет погулять?

Сникерс, услышав это заманчивое для него предложение, гавкнул и нетерпеливо стал перебирать лапами.

– А что, Леха, может, и правда пойдем, чуток проветримся? – сказал Шумилин, убрав бумаги со стола в массивный секретер. – А то я тут совсем закис, сижу, разбираюсь с делами здешними, весьма странными.

– Ты имеешь в виду дела иностранные? – поинтересовался Кузнецов. – Так графа «Кисельвроде» Николай вынес на лопате, а генерал Перовский под иностранцев ложиться не намерен.

– В общем-то ты прав, только вот в чем штука – Карлушу смайнали, но креатур его в доме у Певческого моста осталось еще немало. И они пакостят Перовскому по мере своих сил и возможностей. Причем если бы только из-за неприязненного отношения к новому начальству! Есть у меня данные, что кое-кто делает это по заданию своих забугорных друзей. Я тут общаюсь с майором Соколовым – ты знаешь этого весьма толкового молодого человека – и иной раз просто за голову хватаюсь. Такие вещи господа из МИДа отмачивают, что мама не горюй. Причем когда им начинают за эти дела фитиль вставлять, то они дружно включают дурку и оправдываются – мол, бес попутал, недоглядели, недодумали...

А насчет прогуляться – я не против. Вспомним нашу молодость, когда мы с тобой после уроков бегали в Таврический сад. Правда, ни игротеки, ни карусели, ни стадиона здесь еще не построили. Сейчас я оденусь, возьму поводок – заодно выгуляю Сникерса.

Ротвейлер, увидев в руках Шумилина поводок, стал скакать вокруг него, поскуливая и виляя бесхвостым задом.

Кузнецов заметил, что, набрасывая на плечи теплую шинель – прямо Акакий Акакиевич, – его друг достал из ящика письменного стола ПМ и сунул его в карман. Увидев удивленный взгляд Алексея, Шумилин нахмурился и пояснил:

– Видишь ли, дружище, времена сейчас тревожные. Я ведь рассказывал тебе про то, как ко мне на днях завалился с визитом британский гость, который с ходу попытался меня купить. Я вежливо отправил его в пешее эротическое путешествие, но кое-какие выводы для себя сделал. В таких случаях лучше подстраховаться. Кстати, и тебе не помешало бы обзавестись стволом. Ребята из «конторы» подогнали небольшой арсенальчик короткостволов. Даже император выпросил для себя АПС и теперь палит из него в подвале Зимнего почем зря – он там для себя тир оборудовал. Я не успеваю ему патроны подкидывать.

Кузнецов усмехнулся. Он, как человек самой гуманной в мире профессии, не гнушался разного рода предметами для лишения жизни ближних своих. По молодости лет даже занимался одно время карате.

– Хорошо, Шурик, я подумаю, – ответил он. – А пока пойдем, погуляем, воздухом подышим. Сегодня с утра вроде нет дождя, что для Питера уже хорошо.

Они вышли на Потемкинскую и пошли вдоль ограды сада. Потом, войдя в ворота и кивнув садовнику, который почтительно снял картуз, увидев Шумилина, они побрели по усыпанной желтым песком дорожке.

– Значит, говоришь, прямо к тебе на дом этот Джеймс Бонд недоношенный завалился? – поинтересовался Кузнецов. – И сколько он тебе соверенов или гиней предложил? Ты, надеюсь, поторговался?

– Тебе, Леха, смешно, – буркнул Шумилин, – а мне почему-то было не до смеха. Хотя ты знаешь, я решил проверить его на «слабо», и этот британец явно струхнул. Достаточно было намекнуть ему, что мы знаем некоторые вещи, которые нам вроде бы знать и не положено.

– Ну и что потом делал этот британец? – спросил Алексей. – Я полагаю, что он приехал не только за тем, чтобы повидаться с тобой.

– Угадал. Я сумел подsunуть ему «жучка», и мы проследили, куда он отправился после меня, и узнали, с кем он виделся. Ничего нового – это все больше друзья Карлуши, которые мечтают удалить нас всех куда подальше и далее капать на мозги императору, заставляя его поступать так, как это хотелось бы Туманному Альбиону и гордой Австрии. Кстати, как я слышал, и под тебя они вроде копают?

Кузнецов на мгновение задумался.

– Со мной им пока бороться трудно. Ведь здоровье – это вполне материальная штука, наличие или отсутствие которого человек чувствует сразу. Пока все мои пациенты, тьфу-тьфу, выздоровели. Причем страдали они от болезней, которые здесь лечатся с трудом или вообще не лечатся.

Что же касается здешних медиков – тут у меня о них двойственное впечатление. С одной стороны, удивительное невежество, ведь они не знают элементарных вещей, которые у нас известны даже первокурсникам мединститута. С другой стороны, они превосходные диагносты, умеют без нашей аппаратуры обнаруживать заболевания и пытаться лечить больных тем куцым набором лекарств, которые у них есть в распоряжении. А хирурги – те просто мастера скальпеля. Они проводят операции за считанные минуты – ведь анестезия здесь еще неизвестна, и прооперировать больного надо как можно быстрее, пока он не отдал концы от болевого шока. Ну, и плюс – страшная антисанитария, отчего смертность после операций просто ужасная.

– Учти, Алексей, твоя работа для нас очень важна, – сказал Шумилин, – ведь врач здесь – человек, который видит и знает то, что известно немногим. К тому же лейб-врач – доверенное лицо царя, и с тобой будут пытаться познакомиться многие влиятельные персоны. Так что ты мотай на ус, приглядывайся, никому ничего не обещай, но и не отказывай с ходу.

Кузнецов кивнул, а потом огляделся по сторонам. Умчавшийся в кусты пожелтевшей уже сирени Сникерс облаял там какого-то мужчину в синем сюртуке и высоком сером цилиндре. Тот испуганно отмахивался от пса тростью. Лучше бы он этого не делал – разозлившийся ротвейлер зарычал и, схватив за рукав мужчину, мощным рывком опрокинул его на газон.

– Хелп ми! Помогите! – испуганно завопил мужчина. Сникерс поставил ему на грудь передние лапы и рычал при малейшей попытке своей жертвы пошевелиться.

– Слышь, Леха, – ухмыльнулся Шумилин, – а ведь это явно импортная птица. Интересно, каким ветром ее занесло в Таврический сад?

– Шурик, пойдем выручать этого сэра, пэра или хэра... А то у меня работа появится. Мне же не очень хочется тратить на этого плохо пережеванного Сникерсом британца дефицитные медикаменты.

Увидев подходящего к нему Шумилина, пес перестал рычать и снял лапы с груди поверженного иностранца.

– Вау! – воскликнул Шумилин. – Какая встреча! Мистер Смит, а ведь следить за гуляющими джентльменами некрасиво. Или у вас в Англии считают, что это вполне допустимо?

– Мистер Шумилин, – дрожащим голосом произнес Артур Смит, – я совсем не собирался за вами следить. Просто я решил прогуляться по этому прекрасному парку, и тут на меня набросилось это чудовище, – и он покосился на Сникерса.

Ротвейлер, почувствовав, что про него говорят что-то нехорошее, внимательно посмотрел на мистера Смита и зевнул, показав набор своих великолепных, ослепительно белых зубов. Британец замолк и поежился.

– Мой друг, – сказал Александр, – не считайте нас идиотами. Ведь мы можем и обидеться. Нам прекрасно известно – кто вы и зачем приехали в Петербург. Так что ваш рассказ о том, что вы оказались здесь чисто случайно, рассчитан на слабоумных. Мы с господином Кузнецовым таковыми, к счастью, не являемся.

– Мистер Шумилин, – англичанин немного пришел в себя, и голос его снова стал уверенным и ровным, – я тоже за это время узнал о вас много интересного. Я понял, что вы весьма опасны для Англии, но клянусь честью, я совсем не собирался покушаться на вашу жизнь. Если вы осмотрите мои карманы, то вы не обнаружите в них оружия.

Похоже, что мистер Смит не врал. Шумилин помог англичанину подняться с земли и привычно проверил его на наличие холодного и огнестрельного оружия. Ни того, ни другого у иностранца не было.

– Хорошо, – сказал Александр, – будем считать, что в Таврический сад вас привело обычное любопытство. Давайте, присоединяйтесь к нам, и мы продолжим вместе нашу прогулку. Заодно и побеседуем, как говорят у нас, без галстуков...

* * *

Сопровождаемые бдительным Сникерсом два пришельца из будущего и британский шпион не спеша брели по аллеям Таврического сада. Газоны были усыпаны желтыми опавшими листьями, а в пруду парка степенно плавала пара лебедей. Обстановка располагала к неспешной откровенной беседе.

– Скажите, мистер Смит, – спросил Шумилин, – а вы не боитесь, что вместо Туманного Альбиона вы можете угодить в места, где люди быстро отвыкают от вида своего голого тела – зимой там лютый мороз, а летом жрет гнус, от которого нет спасения.

Англичанин поежился. Он прекрасно знал – куда в этой дикой, с его точки зрения, стране ссылают тех, кто рискнул сунуть нос в государственные секреты.

– Нет, господин Шумилин, – немного подумав, ответил он, – дело в том, что я рассчитываю на вашу порядочность. Ведь я в вашей стране был всего лишь курьером, направленным моим правительством для того, чтобы передать вам предложение о сотрудничестве. Вы отказались, я выполнил еще несколько данных мне поручений и собирался отбыть домой. Но перед отъездом из вашего прекрасного города я решил еще раз переговорить с вами. На этот раз уже как частное лицо.

– Посланец правительства не может быть частным лицом, – наставительно произнес Шумилин. – Впрочем, зла я лично к вам не питаю. Разведчики были, есть и будут. Особого вреда вы нам принести не успели. А что касается вашего желания побеседовать со мной – то я весь к вашим услугам. Только услуга на услугу – взамен вы в конце беседы сообщите мне – кто лично прислал вас ко мне...

Артур Смит немного подумал, потом кивнул в знак согласия и спросил:

– Скажите, господин Шумилин, – кто вы и откуда?

Александр усмехнулся. Похоже, что Смит не зря провел время в Питере. Но с другой стороны, он вряд ли догадывается о том, что разговаривает с пришельцем из будущего.

– Мистер Смит, – Шумилин решил ответить вопросом на вопрос, – а что, собственно, изменится от того, если вы узнаете полностью мое имя и фамилию, год и место моего рождения? Так ли это важно?

– Это очень важно, – британец пристально посмотрел в глаза Александра. – У меня сложилось впечатление, что вы пришелец из другого мира. Только вот какого?

Шумилин и Кузнецов переглянулись. А этот мистер Смит – толковый малый. А потому – опасный. Но с другой стороны, через него можно слить дезу его лондонским кураторам. Ведь до чего додумался один человек, обязательно додумается и другой. К тому же наверняка бри-

танцы заподозрили неладное после потопления их кораблей у берегов Норвегии. Уцелевшие моряки из состава экипажей трех королевских фрегатов рассказали много необычного своему начальству.

– Вы слышали когда-нибудь сказание о Винете? – наконец спросил он у британца. – Был когда-то давно большой и богатый город на острове у берегов нынешнего Мекленбурга. Жили в нем древние славяне – предки новгородцев. Жили богато, торговали, владели многими ремеслами. Адам Бременский, живший в XI веке, рассказывал о Винете как об одном из самых больших приморских городов балтийского побережья.

– А зачем вы мне рассказываете эту сказку? – спросил британец, воспользовавшись тем, что Шумилин на мгновение замолчал. – Да, мне доводилось слышать об этом городе. Как писали в хрониках, он погиб в результате каких-то ужасных катаклизмов, и теперь только пьяные моряки в портовых кабаках рассказывают небылицы, да и то лишь тогда, когда переберут рома или эля.

– Не всегда то, что рассказывают моряки, пусть даже пьяные, – наставительно произнес Шумилин, – нужно считать небылицами. Дело в том, что после погружения в морские пучины жители Винеты не погибли. Они просто оказались в другом мире. В легендах померанских моряков говорится, что раз в сто лет город всплывает на поверхность моря, и спасти его сможет даже ребенок, но родившийся в воскресенье (такие дети особенно угодны Богу), который войдет в Винету и заплатит один пфенниг.

Однажды юноша, который пас овец, увидел чудесный город, только у него не оказалось при себе ни пфеннига. И по сей день немногим достойным людям порой слышится тихий звон колоколов, доносящийся из морских глубин...

– Я тоже об этом слышал, – кивнул мистер Смит, – только какое отношение вы имеете ко всему этому?

– Самое прямое, – Александр пристально посмотрел на внезапно побледневшего британца. – Люди мира, в который попали жители Винеты, встретили там потомков атлантов, построивших свою цивилизацию, совершенно не похожую на земную. Они знали многое из того, что обитатели этого мира еще не знают. Вот потому-то мы, потомки атлантов и древних славян из Винеты, умеем делать то, на что еще неспособны вы, люди земной цивилизации...

Мистер Смит застыл на месте, словно соляной столп. Куда делось его хваленое британское спокойствие и невозмутимость! Шумилин придумал безупречную легенду. Дело в том, что люди XIX века были чрезвычайно восприимчивые к разного рода околону научным рассказам, вроде легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, той же Атлантиде или Шамбале – обители неких Махатм, о которой британцам рассказывали ученые брахманы в Индии.

Придуманная легенда прекрасно объясняла многое из того, что смущало высокое лондонское начальство мистера Смита. И в то же время скрывало истинное происхождение пришельцев из будущего. Пусть теперь британские власти предрежающие поломают голову над информацией, которую привезет им его сегодняшний собеседник.

– Ради всего святого, расскажите мне о вашей стране, господин Шумилин! – воскликнул мистер Смит. – Какая она – погибшая и чудом воскресшая Атлантида?

Похоже, что британец, что называется, «поймал волну» и решил узнать от «атланта» как можно больше информации. Но пора и честь знать.

– Мистер Смит, вы не будете отрицать, что я ответил на ваши вопросы? – поинтересовался Александр. – Теперь вы знаете тайну моего происхождения и теперь понимаете – какими возможностями мы располагаем. Гибель ваших кораблей, испепеленных нашими рукотворными молниями, – лучшее тому доказательство. Но теперь настала ваша очередь ответить на мой вопрос. Скажите, кто вас сюда послал, и по чьему поручению вы посетили меня?

Британец на мгновение замялся, но, прикинув, что обманывать – дело весьма опасное, махнул рукой и произнес:

– Господин Шумилин, я отправился в Россию по поручению министра иностранных дел Британии виконта Палмерстона. Он внимательно следит за вами и крайне обеспокоен как вашим влиянием на русского императора, так и вашими враждебными поступками в отношении Соединенного королевства.

Александр почему-то не был удивлен тем, что сказал ему мистер Смит. Виконт Палмерстон был отъявленным русофобом, и именно его стараниями была сколочена франко-британская коалиция, которая начала войну с Россией, получившую позже название Крымской.

– Спасибо, – поблагодарил он англичанина. – Для меня вполне достаточно того, что вы мне сейчас сказали. Вы можете быть свободны. Никто не будет препятствовать вам покинуть Россию. Я даже не беру с вас слова, что вы никому не расскажете о нашей сегодняшней беседе. Только посоветуйте вашему начальству, что проводить политику, враждебную России, для них небезопасно. За это им придется отвечать, причем спрос будет самый строгий. До свидания, мистер Смит.

Шумилин приподнял свой цилиндр, и Кузнецов вслед за ним попрощался с британцем. Сникерс же укоризненно посмотрел на Александра – зря, дескать, ты отпускаешь его целым и невредимым. И в подтверждение этого громко гавкнул...

Часть 2

Крепость Росс

– Да, Виктор Иванович, никогда бы не подумал, что со мной такое может приключиться. – Никифор Волков покачал головой, разглядывая с пригорка панораму местности, прилегающей к крепости Росс. – Ладно было бы оказаться за тридевять земель – на государственной службе можно побывать бог знает где. А вот в будущее попасть, да посмотреть, как люди живут через сто семьдесят лет, – вот это уже самое настоящее чудо.

– Ничего, Никифор, – Сергеев встал с камня, на котором сидел, и потянулся. – За мою службу меня тоже помотало по свету, повоевать довелось аж в Афганистане, где люди в средневековые еще живут, а вот в нашем прошлом очутиться, где мой предок еще только-только присягу принял – этого я тоже не предполагал. Но, Никифор, служить России надо, и мы этим займемся в краях сих дальних. Как там, кстати, казачки твои, никто из них не помешался после увиденного?

– Нет, Виктор Иванович, вроде все в своем уме остались. Правда, разговоров много – я уже устал им повторять, что не стоит лишний раз трепать языком о том, что им довелось увидеть и услышать. Нечего здешний народ смущать.

– Ага. Бедняги индейцы, которые некстати оказались там, где наш портал открылся, до сих не могут прийти в себя. Они теперь нас чуть ли не посланцами своих богов считают. Ты ведь слышишь – они при виде нас Мадунду какого-то поминают. А что это означает, знаешь?

– Помню, конечно, Виктор Иванович. В Петропавловске нам всем живые картинки – ну, фильм то есть – показывали про здешних людей. Мадунда – это самый главный их бог. Значит, они думают, что мы кто-то вроде архангелов?

– Примерно так. Пусть думают – нам так проще с ними иметь дело. Меня больше беспокоит то, как нам поладить со здешним начальством. Уж очень мне рожу Ротчева не понравилась, когда он читал письмо из канцелярии императора. Читал, и глазами исподлобья на меня косил. Конечно, здесь он царь и бог, а кем он в том же Петербурге будет? Таких, как он, там пруд пруди.

Знаешь, Никифор, многим легче с богатством расстаться, чем с властью. Как бы не было у нас хлопот с ним. Я, правда, когда у него был, сумел в его рабочем кабинете незаметно под столешницу «жучка» пришпандорить. Ну, такое устройство, которое будет передавать мне все, о чем в этом кабинете будут говорить. Хотя может быть, о своих делах Ротчев толковать будет в другом месте. Ладно, станем пока ходить, поглядывать и помалкивать. Мои ребята знают, что им делать, а вы тут пока привыкайте, думайте, как вам службу станичную нести.

– Эх, жалко мы лошадей с собой не взяли, Виктор Иванович, – вздохнул Никифор. – Правда, посмотрел я на здешних, вроде ничего, справные. И местные люди сидят крепко в седле.

– Ну, насчет коней, Никифор, не беспокойся. Здесь их много, и стоят они недорого. Только пообещай, что хорошо заплатишь, тебе хоть целый табун пригонят. А наездники здешние действительно отличные. Их тут *вакеры* кличут. Надо будет тебе кое с кем из них подружиться. Есть, наверное, среди них и разбойнички – те, с кем в чистом поле лучше не встречаться. Но думаю, что ты и твои казачки ребята опытные, и сами разберетесь и поостережетесь, если что.

– А места здесь, Виктор Иванович, хорошие. Тепло, земля добрая, руки приложить – просто рай будет. Хотя здешние жители, похоже, не бездельничают. Поля возделаны, стадо вон прошло большое. Виноград научились выращивать, вино свое есть. Мельницы есть, верфь судостроительная, корабли сами строят.

Правда, народец тут разный – есть наши, русские, есть и индейцы, а еще много похожих и на тех, и на других.

– Это, как их тут называют, креолы. Отец русский, а мать из индейцев. Вы тут с казачками присматривайте себе девок местных, глядишь, кого и сосватаете. Вам тут долго службу нести предстоит. У кого, конечно, дома зазнобушка осталась, тот ее может к себе выписать. На этот счет у меня есть все права.

– Виктор Иванович, – сказал Никифор. – Сейчас надо думать, как тут устроиться, службу наладить. А потом уж и о женках думать. Я помню, что вы говорили о том, что надо создать здесь местное казачье войско. Как оно будет называться – государь решит. Ведь сюда еще станичников переправят через портал ваш чудный. Да и местных, кто посмышленей и похрабрей можно в казаки поверстать.

– И станешь ты, Никифор, первым наказным атаманом нового войска, – Сергеев похлопал по плечу казака. – А назовем новое войско... Какая тут речушка поблизости протекает – Славянка, кажется? А что, красиво будет звучать – Славянское казачье войско.

– Ну, дай-то Бог, дай-то Бог, – кивнул Никифор. – Давайте, пойдем в крепость. Темнеет уже.

И они не спеша побрели в сторону четырехугольной крепости, срубленной из стволов могучих деревьев. Сергеев остановился в конторе начальника поселения, в котором жил когда-то еще Кусков⁷.

Это была большая изба, в которой, помимо прочего, находился и арсенал. А Ротчев со всем своим семейством жил в специально построенном для него доме. Он общался с новым главой крепости Росс подчеркнуто официально, даже не пытаясь скрывать свою досаду и недовольство.

Служащие компании находились в двойственном положении. С одной стороны, прибытие неизвестно откуда – о приходе судна никому не было известно, а местные индейцы вообще рассказывали невесть что – нового коменданта с предписанием, вышедшим из СЕИВ Канцелярии и подписанным статс-секретарем и сенатором, главой 1-го отделения Канцелярии Александром Сергеевичем Танеевым. Судя по тому, как уверенно вел себя новый начальник, похоже, что у него на всякий случай было в запасе письмо и главы 3-го отделения СЕИВ Канцелярии графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. А о нем даже здесь слышал каждый чиновник.

Так что фрондировать с господином Сергеевым желающих не нашлось. К тому же он прибыл в крепость Росс не один, а в сопровождении солдат и казаков – случай доселе здесь неслыханный. Люди в форме появлялись здесь лишь в составе экипажей русских военных кораблей, которые изредка заглядывали в эти забытые Богом места. С охраной прилегающей к крепости территории вполне справлялись вооруженные колонисты, благо воевать им было не с кем. Индейцы вели себя мирно, а с шайками разбойников русские справлялись собственными силами.

Местные жители с интересом поглядывали на казачков и на «летучих мышек». С ними пытались заговаривать, задавали разные вопросы. Те отвечали, впрочем, о некоторых вещах, связанных с подробностями их появления в здешних краях, они говорили уклончиво.

Ротчев приказал поставить вновь прибывших на довольствие, и казачки со «спецами» с удовольствием пили парное молоко, заедая его мягким белым хлебом – рожь в этих краях росла плохо, наворачивали щи, ели тушеное и вареное мясо и, что называется, от пуза лопали здешние фрукты – яблоки, персики, груши и айву.

⁷ Иван Александрович Кусков – легендарный комендант крепости Росс, стараниями которого и было создано большое хозяйство и судовой флот.

Сам же Сергеев знакомился со своими новыми владениями, советуясь с крестьянами, которые согласились отправиться вместе со своим барином на новое местожительство. Они почесывали затылки, с удовольствием осмотрели стадо крупного рогатого скота, отары овец, лошадей и мулов.

– Да, Виктор Иванович, – наконец сказал один из них, Матвей Овчинников, по профессии плотник, – тут есть где развернуться. Непривычно, конечно, но ничего, привыкнем, и с Божьей помощью заживем на славу.

Виктор, как и обещал, дал своим крестьянам вольную, но никто из них особо не рвался воспользоваться обретенной свободой. Во-первых, своим мужицким умом люди прекрасно понимали, что в чужой стране, за тридевять земель они в одиночку пропадут. А во-вторых, мужики уже успели понять – что за человек их барин, и точно знали, что с ним они будут как за каменной стеной.

Сергеев помнил, что через неделю сюда перебросят очередную партию поселенцев, и тогда уже можно будет начать разбираться в весьма запутанных отношениях обитателей крепости Росс с соседями и мексиканскими властями. На этот счет у него были с собой письма и инструкции. Но это все будет потом. А пока нужно обживаться и вживаться. Как говорят китайские товарищи, дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага...

* * *

Виктор Сергеев много читал про нравы, которые царили в крепости Росс и ее окрестностях. Но то, что он увидел своими глазами, мягко говоря, весьма удивило его.

Он уже знал, что прежняя основная статья дохода русской колонии – охота на морских котиков – значительно сократилась из-за хищнического истребления животных. Дело в том, что иностранные браконьеры истребляли котиков без разбора. Если русские убивали в первую очередь самцов, щадя самок с детенышами, то иностранцы – чаще всего это были американцы и англичане – били всех подряд. И никто ничего поделать с этим не мог – в крепости не было патрульных судов, которые могли бы охранять лежбища котиков. К тому же браконьерские бригады и шхуны имели пушки, которыми они не преминули бы воспользоваться в случае попытки их задержания и досмотра. А военные корабли русского флота в крепости Росс появлялись редко, и то, что называется, проездом.

К тому же даже к пойманным браконьерам правители Русской Америки относились мягко. Чаще всего их журили незлым бабулиным голосом и отпускали с миром. Браконьеры и те, кто скупал у индейцев меха за спирт и оружие, знали все это и потому нагнали без меры.

В разговоре с императором Сергеев настоял на том, чтобы ему было дано право самостоятельно чинить суд и расправу. Николай разрешил наказывать пойманных иностранцев телесно, а самых наглых отправлять в кандалах в Новоархангельск, где их будут приговаривать к каторжным работам. Их корабли велено было конфисковывать, грузы же продавать с аукциона.

Но мало было принять правильное решение – необходимо было его исполнить. Виктор знал, что начальство из XXI века обещало в самое ближайшее время прислать несколько патрульных кораблей из состава Северо-Восточного пограничного управления береговой охраны ФСБ. В основном это будут сторожевые корабли проекта 10410, но планируется обкатать и несколько новых кораблей погранохраны – «Полярную звезду» и сторожевики типа «Рубин».

– Виктор Иванович, – сказали ему в Петропавловске, – нам из Москвы дали указание максимально содействовать вам. Да и без Москвы мы сделаем все, что в наших силах. Надо помочь нашим предкам, чтобы Аляска и Калифорния остались русскими.

Прибытие в крепость Росс первого патрульного корабля ожидалось через неделю. Пока об этом знало всего несколько человек. Сергеев здраво рассудил, что лучший способ сохранить тайну – это ограничить количество ее носителей.

Второе, что неприятно удивило нового управляющего, это способ ведения сельскохозяйственных работ на полях русской колонии. Дело в том, что в крепости Росс катастрофически не хватало рабочих рук. Многие обитатели колонии занимались охотой и рыболовством, торговали с индейцами, работали в мастерских и на судовой верфи. А вот желающих гнуть спины на полях, собирая по осени урожай, было мало.

Выход подсказали испанцы, точнее, русские скопировали некоторые их, мягко говоря, не совсем корректные приемы взаимоотношения с туземцами. Накануне жатвы в индейские селения, расположенные неподалеку от крепости Росс, отправлялись вербовщики, которые предлагали кашайя за вознаграждение поработать на уборке урожая. Индейцы, естественно, не горели желанием работать на кого-либо – на своих полях было дел невпроворот. Тогда вербовщики шли другим путем.

Ночью в селения индейцев врываются конники, стреляя в воздух наводят страх на обитателей и силком угоняли в крепость женщин. Пришедшим поутру мужьям доходчиво объясняли, что женщин отпустят лишь тогда, когда они закончат уборку урожая на полях, принадлежащих колонии. А чтобы долгожданный миг воссоединения семей произошел как можно быстрее, служащие компании предлагали мужьям помочь своим супругам.

Конечно, все это очень не понравилось Сергееву, но пока ничего одномоментно изменить было нельзя. Все упиралось в проклятую нехватку рабочих рук. Виктор решил для начала использовать принцип материальной заинтересованности – для работающих на полях колонии индейцев он хотел установить хорошее вознаграждение, в основном продуктами и товарами, потому что деньги индейцам просто негде было тратить.

А в будущем он рассчитывал с прибытием русских крестьян полностью отказаться от «добровольно-принудительного» труда индейцев. Хотя обиженные кашайя, в отличие от своих воинственных соседей, и не выходили на «тропу войны», но различные недоразумения, вплоть до вооруженных стычек, время от времени происходили. И это не кончится добром, тем более что у русских были недоброжелатели, подливавшие масло в огонь. Прежде всего это относилось к американцам, которые селились вдоль границ владений русской колонии.

Мексиканское правительство разрешило им получать права собственности на недвижимость. За последние десять лет в Калифорнию иммигрировали американцы и англичане, и в их руках постепенно сосредоточилась вся торговля. Да и численно они составляли уже больше трети всего населения Калифорнии. Некоторые иностранцы успели породниться с богатыми калифорнийскими семьями и теперь имели рычаги влияния на местные власти.

По тем сведениям, которыми снабдили Сергеева в Петербурге, он знал, что особое внимание следует обратить на некоего Джона Саттера. Именно ему в 1841 году будет продана крепость Росс и все имущество, принадлежащее русской колонии. Саттер построил на своей земле форт длиной 300 и шириной 150 метров. В центре укрепления он разместил жилые помещения. Со всех сторон вдоль стен форта выстроились магазины, склады и бараки. По углам укрепления возвышались бастионы, а главные ворота с восточной и южной сторон были защищены орудиями. Для полевых работ, в зависимости от времени года, Джон Саттер нанимал от 200 до 300 индейцев. Он держал скорняжное производство, винокуренный завод, ткацкую мастерскую, мельницу. Поместье свое он назвал Новой Швейцарией, но оно было более известно как форт Саттера.

У этого Саттера давно уже было рыльце в пушку. Его поместье стало настоящим логовом заговорщиков, готовивших мятеж против центрального правительства Мексики. В 1836 году группа переселенцев из Европы и США, возглавляемая Айзеком Грэмом, помогла Хуану Батисте Альварардо свергнуть временного губернатора Калифорнии Николаса Гутьерреса.

Калифорнийцы решили, что Мехико им не указ и они сами могут прекрасно управлять забытыми Богом и начальством территориями. Назначенный центральным правительством губернатор попытался было приструнить недовольных, но ему быстро указали – кто он на этом

свете. Двадцатисемилетний Альварадо 4 ноября 1836 года возглавил небольшой отряд, состоявший из 75 калифорнийцев, к которому присоединилась группа индейцев и американцев, имевших неприятности с шерифами у себя на родине. Они осадили резиденцию губернатора Калифорнии в Монтерее. Правда, вооруженные силы, находившиеся в распоряжении губернатора, были еще слабее, а самое главное, они не были настроены класть свои головы, защищая законную власть.

Мятежники располагали пушками, но у них в наличии было всего одно ядро. Единственный пушечный выстрел оказался счастливым – ядро угодило именно туда, куда целились артиллеристы – в губернаторский дворец. Этого оказалось достаточно. Губернатор Гутьерес тут же сложил свои полномочия и сдался на милость мятежников. Те поступили с ним вполне гуманно – его посадили на корабль и отправили восвояси. А Альварадо 7 ноября 1836 года провозгласил независимость Верхней Калифорнии. Так произошла Великая Октябрьская Калифорнийская революция.

Каждая революция чревата новой революцией. В 1840 году «пламенный революционер» Айзек Грэхэм попытался устроить в Калифорнии новый мятеж, по типу Техасского, чтобы окончательно отделиться от Мексики. Но слухи о грядущем мятеже дошли до Альварадо, после чего начались аресты переселенцев, часть из которых была убита «при попытке к бегству». «Дело Грэма» привело к вмешательству Великобритании и США, и мексиканские власти были вынуждены отпустить Грэма и часть арестованных.

К всему прочему, жители Верхней и Нижней Калифорнии плохо ладили между собой. Дело доходило до вооруженных столкновений. За каждой из частей штата стояли США и Англия. Все это должно будет закончиться провозглашением в 1846 году Калифорнийской Республики с последующей аннексией американцами Верхней Калифорнии.

Из всего этого Сергеев сделал вывод, что если у него и есть фора, то совсем небольшая. И воевать ему в этих краях придется не с мексиканцами, а с американцами – новым хищником, который впервые попробует свои острые зубки на Мексике.

«А вот мы возьмем, и зубки-то ей обломаем, – подумал про себя Виктор. – А сие означает, что надо как-то подружиться с центральным правительством в Мехико, чтобы и американцам задницу надрать, и за оказанную помощь увеличить территорию Русской Америки. По большому счету на Калифорнию, как Верхнюю, так и Нижнюю, в Мехико давно уже махнули рукой. И уговорить тамошнее правительство уступить часть своей территории России, заключив с ней договор о помощи, – вполне реальная вещь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.